

ПРОШЛОЕ
СМОТРИТ НА МЕНЯ
МЁРТВЫМИ
ГЛАЗАМИ

КАПИСОВА ИРИНА

12+

Ирина Ивановна Каписова Прошлое смотрит на меня мёртвыми глазами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67093203

SelfPub; 2022

Аннотация

Она хотела бы, чтобы многие события в её жизни никогда не случались, а потому не хотела их помнить. Она желала проснуться маленькой девочкой, которой приснился страшный сон. Но прошлое живёт в детской комнате, старых книгах, скрипучих полах и пыльном кресле. Неожиданно появляется из-за угла и бесшумно следует за ней по пятам. От него не спрятаться за закрытыми дверями, не зажмурить крепко глаза. И как далеко, как долго она ни пыталась сбежать от прошлого, у неё не получалось забыть пережитое.

Ирина Каписова

Прошлое смотрит на меня мёртвыми глазами

ГЛАВА 1

«Скрип-скрип».

Скрипят половицы в закрытой комнате. Я кладу голову на холодный пол, покрытый пылью, и пытаюсь увидеть что-нибудь через маленькую щелку между дверью и половицей.

«Скрип-скрип».

Вижу тень в пустой закрытой комнате, качается из угла в угол.

«Скрип-скрип».

– Что ты делаешь? Встань с грязного пола, сейчас же! – мама подхватывает меня на руки и уносит подальше от мрачных холодных коридоров.

– Мама, там кто-то ходит! Я видела и слышала!

– Маленькая выдумщица! Тебе почудилось, малыш, – мама качает головой и прижимает меня к себе. Я провожаю взглядом бесконечную череду закрытых дверей, сумрак, который сгущается в конце коридора, и держусь за мамину шею. Теперь мне не страшно, но я знаю, что скрипы и беспокойная тень будут снится мне ещё очень долго...

– Что ты делаешь? – тихий голос звучит почти над самым

ухом, возвращая меня в реальность. В доме ужасно громко скрипят полы, но я не слышала ни единого её шага. Я вздрагиваю от неожиданности, выныриваю из плотного воспоминания и отрываю голову от пола. Видение прошлого отпускает долго и ещё некоторое время я вижу отдаляющиеся от меня двери. До меня не сразу доходит, что голос вовсе не мамин, а мне давно не восемь. Я не помню, как села на пол, как заглянула в комнату. Помню только, что шла в кладовку, а потом...

– Ничего, – отвечаю я. – Мне послышалось, что там кто-то есть.

– Неужели у нас завелись крысы? – испуганно восклицает она. – Впрочем, займёмся этим позже. Я везде тебя ищу. Пойдём скорее, мне нужно тебе кое-что показать.

Я поднимаюсь на ноги, долго смотрю на щелку, из которой льётся слабый свет, а после разворачиваюсь и быстрым шагом иду за ней.

Я часто проваливаюсь в свои воспоминания. Могу идти по коридору и внезапно увидеть события, которые были много лет тому назад. И вижу я их так чётко, так детально, что порой забываю, сколько мне лет на самом деле.

Сегодня утром мне вспомнилось детство.

Я была странным ребёнком. Пугать себя было моим любимым занятием. Я таскала книжки со страшными картинками из библиотеки тайком от мамы и читала их по ночам.

Бродила по коридорам и слушала завывания ветра. А потом не спала очень долго, прислушивалась к дыханию мамы и дребезжанию стекол от ветра.

Мы поселились в большой пустой дом, когда мне было два года. Помню, как грустная мама вела меня за руку, и как забавно трепыхался её красный шарф. Далеко на горизонте возникла белая огромная фигура, оплетенная черными ветками.

– Этот дом достался нам от бабушки, – объяснила она мне в тот день. Её голос, и без того тихий, заглушал шум ветра.

Я посмотрела на покачивающиеся голые ветки и крепче сжала мамину ладонь.

В доме постоянно кто-то вздыхал, охал, ходил, скрипел, свистел и это были не мы с мамой. Моя бурная фантазия рисовала кого-то жуткого и неуловимого в доме, и я боялась этого неведомого существа, но всегда хотела встретиться с ним лицом к лицу. Становясь старше, я раскрывала секреты дома – где-то оттопырена половица, в стенах шуршат мыши, хлипкие форточки выбиваются ветром, а по вентиляции бродит сквозняк.

Из теплого солнечного города нам пришлось переехать в место, где постоянно дуют ветра и льет дождь. Пасмурная Долина – так называют её люди, которые здесь жили. С каждым годом отсюда уезжает одна семья. Домики пустеют, сыреют и рушатся, превращаясь в грустных призраков. К моему восемнадцатилетию в Долине остались только мы и наша

старушка-соседка. Да и та, что ни день, ворчала о своей скорой кончине.

Грустные призраки одиноки, поэтому всегда рады гостям. В детстве я была уверена в этом и часто бродила по заброшенным домам. Мама ругалась – она переживала, что на меня упадет отсыревшая от дождя балка или я провалюсь в подвал. Но ничего такого не происходило, а моему упрямству мог позавидовать бы кто угодно, и я продолжала там ходить.

Дома люди покидали в спешке. Мне был ужасно интересен оставленный людьми быт. Бывало, зайду в комнату, а там чья-то кукла. Сидит, свесив голову набок, смотрит печальными глазами в пустоту и молчит. Забыли. Видимо, очень торопились. Я подниму её, сочувственно приглажу волосы и посажу на кровать. Не смею забрать домой – думаю, что хозяйка когда-нибудь вернется за ней.

Я была наивным ребёнком и верила в чудеса. Верила, будто бы дома живые и чувствуют нас. Все звуки, которые мне доводилось слышать, списывала вздохи или движения дома. Из-за этого убеждения в заброшенных домах я всегда молчала. В них было очень тихо. Мне казалось, будто бы они спят или очень горюют, а потому такие безмолвные. Молчала и тосковала по былым хозяевам вместе с ними, не позволяла себе шуметь и веселиться из-за уважения к ним. Ведь дома – такие большие, а я – такая маленькая, – должна их уважать.

В Долине очень скучно жить, но маленькой фантазерке

всегда было чем заняться. Для меня Пасмурная Долина была сказочным местом. Каждый день можно было увидеть малышку в дождевике за самыми странными занятиями. То она резво прыгает среди камышей у пруда, то ходит меж маленьких деревьев в маленьком саду и ищет кого-то, то бродит по очередному заброшенному дому. И постоянно что-то говорит себе под нос, с кем-то разговаривает, улыбается. У меня не было настоящих друзей, потому что в Долине не было детей моего возраста. Поэтому моими друзьями были камыши, деревья, дома, камни и плюшевая кошка. Все остальные не хотели со мной дружить, например, птицы или мыши, но я не расстраивалась. Я знала, что они чего-то боятся, раз убегают от меня, стоит мне только сказать им что-то. Деревья и камыши не прятались, а наоборот, гладили по голове и качали ветками в приветствие. Плюшевая кошка была моим постоянным компаньоном, пока не потерялась. Где она точно потерялась, не могу сказать. Наверное, не заметила, как выронила её в каком-то из домов (порой, глубоко уходя в свои мысли, я была очень рассеяна). Тогда мне казалось, что она сбежала. Сбежала точно так же, как и все жители Грустных призраков. Я мало плакала, но сбежавшая плюшевая кошка вызвала у меня нескончаемый поток слез. Мама успокаивала меня, говорила, что она ушла погулять и скоро вернется, гладила по голове, а я все плакала и плакала. Три дня не выходила из дома, а потом ходила жаловаться деревьям и камышам, и они, как мне казалось, плакали вместе со мной,

потому что тоже любили кошку.

Вселенская детская грусть не прекращалась, я хандрила еще неделю. Мама каждый день куда-то уходила, оставляя меня у окна с печальным лицом. Как я потом поняла, она везде искала мою плюшевую кошку. Не нашла. В один день она ушла надолго, а когда вернулась, очень ярко сияла. Пожалуй, тот день был один из самых солнечных в моей жизни, а солнце в Долину приходило очень редко.

– Малыш, я нашла её! Твоя плюшевая кошка, она вернулась! – воскликнула мама с порога. Ей хотелось как можно скорее обрадовать меня. Между нами было несколько комнат. Я сидела в гостиной и смотрела на то, как трещат в камине поленья. Но лишь услышав мамин голос, я взволнованно вскочила и побежала к ней. Мама была вся мокрая, от дождя, волосы липли к лицу. Она вся продрогла, но не замечала этого, ведь была так счастлива! В сумраке я увидела, как она вытаскивает маленький пищащий пушистый комок из пальто и улыбается.

Как я уже говорила, я была наивным ребенком. И тогда я поверила, что это была моя плюшевая кошка. Не знаю, как так получилось – искала ли мама её, или кошка сама ее нашла, – но она была точь в точь, как моя плюшевая. Так у меня появился мой первый настоящий друг.

Плюшка сопровождала меня во всех путешествиях. Летом всегда гордо шествовала рядом, весной сидела в капюшоне, а зимой выглядывала из-под курточки.

Зимой в Долине всегда высыпало очень много снега. Мама строго настроено запрещала выходить на улицу.

– Камыши спят, деревья тоже. До домов не добраться. Что тебе еще там делать, малыш? – спрашивала она и закрывала собой выход на улицу. – А Плюшка и вовсе замерзнет там! Посиди-ка дома, дорогая моя!

И я шла раздеваться. Тогда приходилось искать развлечения в доме. Нашим любимым занятием было носиться по коридору. Я, громко хохоча, убегала, а она догоняла меня и оставляла зацепки на моих колготках. Маме никогда не нравилась моя испорченная одежда, но видя, как я счастлива, забывала обо всём. Забывала о подранных обоях, о луже в гостиной, об опрокинутом цветке.

Конечно, иногда, когда на улице было теплее, чем обычно, мама брала сани и мы поднимались в город вместе с Плюшкой, потому что я не хотела оставлять её дома. По пути туда мы обычно останавливались и лепили снеговика, а потом я еще долго думала, как он там один, без нас. Говорила маме, что надо было слепить двоих, чтобы им не было скучно. И мама обещала, что в следующий раз мы слепим друга.

В доме было скучнее, чем на улице, хоть он и был огромным. Три этажа и бесчисленное количество комнат. Я думала, что даже люди, которые его строили, не знали, сколько здесь комнат. Так много всего неизученного и неисследованного, казалось бы, просто чудо для меня, но вот незадача – мы не знаем, как открыть эти двери! Поэтому я бродила

по мрачным холодным коридорам и заглядывала в просветы между дверью и полом, в скважины, в щелочки между досками. Из доступного у нас был только весь первый этаж и библиотека.

Не смотря на постоянное стремление к приключениям, я была очень усидчивым ребенком. Могла часами сидеть за длинной сказкой и не слышать ничего вокруг. В сером доме удивительно ярко вспыхивали сказочные образы, я забывалась, а мое детское наивное сердце искренне верило в то, что писали в этих книгах. И даже тогда Плюшка не покидала меня. Играла с подолом платья, кусала локоны и уши, гонялась за руками, когда я переворачивала страницы. Но я не замечала, тогда она ложилась на колени и засыпала.

– Малыш, – окликала меня мама, но я даже не поднимала головы. – Малыш, пойдем ужинать. Сейчас все остынет.

Тогда я нехотя отвлекалась, тушила свечу, и, спустя минуту задумчивого молчания, спрашивала:

– Мам, а ты когда-нибудь была знакома с троллем?

– С троллем? – переспрашивала мама, улыбаясь. После того, как я начала читать, она привыкла к таким вопросам. Она, в принципе, привыкла к моему чудачеству. И подыгрывала мне. – Нет, к сожалению, не была. Тролли прячутся от людей.

– Почему? – я была очень расстроена.

– Они боятся людей, малыш.

– Как мыши и птицы?

– Как мыши и птицы.

Но всё было не так безмятежно, как могло показаться. Особенной частью моей детской жизни являлась ночь. Я периодами страдала от бессонницы. В темноте моя фантазия оборачивалась против меня, и самые ужасающие образы вставали перед кроватью, тянули ко мне свои руки, качали рогами, скрипели зубами и ворочались под кроватью. Мне хотелось с ними мириться, тоже стать им подругой, но ночью я проглатывала язык от страха, а днём они все куда-то разбегались. Странные эти чудовища, может, они тоже чего-то боятся, думала я.

Помимо чудовищ, по ночам меня еще пугал чей-то плач. Горький громкий плач, доносящийся откуда-то снизу. Я прислушивалась к нему, мне становилось грустно. Всегда хотелось спуститься вниз к нему, кто бы то ни был, и успокоить, обнять. Но ночные монстры не давали мне это сделать, они тесно обступали меня так, что мне было даже трудно дышать.

– Мама, – шептала я, когда мне было очень страшно, а плач снизу был особенно грустным и тоскливым.

– Малыш? Почему ты не спишь? – она поворачивалась ко мне лицом. Я, свернувшись в куколку, сидела у свечи. Когда я видела ее глаза, все монстры вдруг убежали, они почему-то боялись мамы. – Опять чудовища? Почему ты не ляжешь ко мне?

Тогда я собираю свое одеяло, тушу маленький огонь и быстро перебегаю к ней. Мне все еще кажется, что кто-то

схватит меня за лодыжку. Монстры растворяются, а плач не прекращается.

– Вот так, – приговаривает она, накрывая меня еще и своим одеялом. – Спи, малыш.

– Мама, – я прижимаюсь к ней. – Ты слышишь?

– Что слышу?

– Как кто-то плачет внизу? Он плачет почти каждую ночь.

– Тебе кажется. Это не то, что ты думаешь, – объясняет она, засыпая. – Ставни скрипят. Сквозняк ходит, ты же знаешь? Проказник ветер...

– Ветер в подвале? – спрашивала я, но мама уже спала. Тогда и я с головой ныряла под одеяло, лишь бы не слышать, как кто-то громко льёт слезы, и быстро проваливалась в сон.

Ещё каждый вечер она уходила куда-то вниз, в подвал, и всегда старалась сделать это незаметно, но у неё не получалось.

Однажды, после долгого наблюдения за ней, я спросила:

– Зачем ты туда ходишь, мама?

Она остановилась и нахмурилась. Потеребила в руках ключ, висящий на шее. После этого она часто трогала ключ, когда нервничала.

– По делам, – ответила она, дернулась с места, а потом вновь была остановлена моим следующим вопросом.

– В подвал?

– Ты за мной следила, малыш? – я услышала нотки огорчения и злости в ее голосе и замялась. – Да, в подвал. Не смей

за мной ходить. Дело не твоего ума. Вырастешь, поймешь.

После этого разговора я больше не интересовалась тем, что она делает в подвале каждый вечер. Её обида на меня смешивалась с каким-то страхом, я не понимала ничего. Со временем любопытность моя угасла и я привыкла. Мы больше не заговаривали об этом и всячески старались избегать слова «подвал».

Вспоминаю свое детство сейчас и немного скучаю по нему. Оно было сплошной нескончаемой сказкой. Я очень благодарна маме за то, что она помогала этой сказке жить.

– Твой дедушка был таким же, как и ты, – говорила она иногда грустно. Обычно, перед сном, когда мы засыпали.

– Каким таким? – спрашивала я, ведь голова моя рисовала маленького бородатого ребенка с Плюшкой в руках.

– Любил сказки и всё фантазировал, фантазировал, фантазировал, – отвечала она и становилась все тише и тише. – Придумывал что-то постоянно.

– Это как?

– Ты поймешь все потом, малыш, – говорила в таком случае она и, кажется, плакала. Гладила по голове, пока я не засыпала. Тогда я ничего не понимала.

И я повзрослела. Никто этого не заметил. Никто не заметил, как пруд перестал быть таким большим, как маленький сад с маленькими деревьями стал совсем крошечным, как камыши перестали шептаться, а двери и окна старых грустных призраков заколотили.

Никто не заметил, как пробилась седина у моей мамы, как Плюшка стала меньше двигаться и все лежать, лежать у камина.

Я перестала разговаривать с предметами, но по-прежнему очень много думала и витала в облаках. Я что-то придумывала, но уже осознавала, что все это лишь мои фантазии. Перестала искать троллей под камнями, слышать, как вздыхает дом, и верить, что если я буду тонуть, меня спасет русалка.

Я поняла, каким был мой дедушка. С годами я больше присматривалась к его библиотеке и, в конце концов, заметила, что у него там почти одни сказки да фантастика. Он что-то даже писал сам, говорила мама, но не знала, где это лежит.

Я ни разу не видела дедушку. Только на портрете, что стоит у нас на камине. Мама говорила, что он был прекрасным человеком, только вот к концу своих лет стал каким-то злым и не пожелал меня видеть.

– Не вини его, малыш, – говорила она. Мне было пятнадцать лет, но привычка называть меня малышом осталась. – Он был очень обижен людьми. Никто его не понимал.

И тогда я осознала, почему маме было так грустно. Она боялась, что я повторю судьбу своего деда.

Когда ты ребенок, тебе многое прощают. Над твоими глупыми фантазиями лишь умильно улыбаются. А когда ты взрослый, тебя считают чудаком. В самом плохом смысле. Мне казалось, что моего деда считали чудаком, все отвора-

чивались от него, и он не выдержал этого.

– Как жаль, что он не захотел тебя видеть. Вы бы так хорошо поладили! – после этих слов она плакала. На старости лет она стала очень сентиментальна. – Это моя вина, это я... Я тоже считала его чудаком...

Я не осуждала ни её, ни его. Садилась рядом с ней, обнимала и гладила по голове. Так же, как она когда-то меня. Но, если котенка можно было найти, то второго дедушки точно нет.

Что заставило перестать думать о чудачестве своего отца, она не говорила. Несмотря на хорошие отношения между нами, она очень много молчала. Чувствовались недомолвки, которые с каждым годом ощущались особенно остро. До восемнадцати лет я не знала, куда она постоянно уходит по вечерам, а моё желание узнать становилось все больше с каждым годом. Но мама молчала и делала вид, что ничего не происходит.

ГЛАВА 2

Я просыпаюсь от того, что мне трудно дышать. Открываю глаза и первое, что вижу, пушистую довольную морду прямо у своего лица. Плюшка уселась на груди, оперев обе передние лапы в мой подбородок, и мурчит.

– Доброе утро, Плюшка, – произношу я невнятно и закрываю глаза. Кошка делает так каждое утро с целью разбудить меня. Обычно, она просит выпустить её во двор или же,

если моя мама не встала раньше, покормить. Не глядя опускаю руку на её голову, мягкая шерсть струится под пальцами, Плюшка толкается лбом в ладонь. – Сейчас, ещё минутку. Минута и, обещаю, я поднимусь с постели.

Кошка остаётся довольна ответом, убирает лапы с подбородка и подворачивает их под себя.

Но вставать мне не хочется. Сон не отпускает, прижимает к себе липкими руками, а тепло, что мне дарит Плюшка, успокаивает.

Мама почти всегда встаёт раньше, но просит выпустить из дома кошка исключительно меня. Осталось с детства, рассуждаю я, с тех незапамятных времен, когда я постоянно таскала её с собой на улицу.

Я делаю глубокий вдох, беру Плюшку в руки и поднимаюсь.

С ног до головы меня окатывает холодная реальность, будто вода из ведра. Сердце бешено колотится, руки пустые, ощущение её теплой шерсти медленно тает на кончиках пальцев.

Плюшки со мной нет уже очень давно, а разбудила меня удушливая паника.

Я смотрю в сумрак холодной комнаты и чувствую, как тело покрывается мурашками. Иногда они возвращаются, мои воспоминания, это происходит почти каждую зиму, в самое тяжёлое для меня время года. В этом воспоминании мне было, кажется, семнадцать. Вроде бы, за два месяца до того,

как все началось. Мне привиделось прохладное августовское утро, когда жизнь была ещё счастливой и беспечной.

А все началось когда мне исполнилось восемнадцать.

После восемнадцати я, пожалуй, узнала слишком много. С этим возрастом я окончательно повзрослела, а от былых сказок не осталось и следа. Мама говорила, что быть взрослой мне будет тяжело и страшно, но я лишь смеялась над этим и говорила, что в любом случае справлюсь. Но ни она, ни я, не знали, на сколько это будет тяжело и страшно.

Я отметила свой восемнадцатый день рождения, а спустя три дня я стояла с лопатой над маленькой могилкой в крошечном саду и рыдала. Рядом стояла мама и вытирала бегущие слезы платком. Мы хоронили Плюшку. Она любила эту кошку, но я знала, что плачет она больше из жалости ко мне.

Две недели до этого Плюшка болела. Она ничего не ела, только лакала воду, которую я ей приносила. Всё время лежала у камина в своей лежанке, свернувшись клубочком, и не двигалась. Она почти не вставала. Я переживала всё это время, праздник мой прошёл грустно и тревожно, мы с мамой натягивали улыбки, у нас не получалось веселиться. Часами сидела рядом с Плюшкой и гладила её, смотрела на горящие поленья и не замечала ничего вокруг. Тогда ко мне приходила мама, клала руку на плечо и говорила:

– Она поправится, малыш. Всё будет хорошо.

Но мы обе знали, что она не поправится. Плюшке было 12 лет, она была хрупкой и болезненной. Она умерла от старо-

сти. Или, скорее, умерла из-за того, что старость не позволяла справиться с настигшей её болезнью.

Я гладила Плюшку по спине только чтобы убедиться, что она ещё дышит. Дыхание её было ровное, но слабое, с каждым днём становилось менее ощутимым. Иногда я, сама того не замечая, плакала. Слезы катились по моему лицу, стекали на одежду или разбивались о руку и только тогда я их замечала.

С каждым годом мой большой мир становился всё меньше. Или это я становилась слишком большой для своего детского мира? Он стал таким маленьким, что там осталось место только для мамы, Плюшки и меня. Мне было очень трудно представить его без Плюшки.

Первый урок для меня был таков: всё когда-нибудь уйдет, ничто и никто не будет рядом с тобой вечно. Думаю, этот урок я могла бы усвоить еще в детстве, когда потеряла игрушку, но мама решила, что мне пока рано об этом думать.

Последние три дня Плюшка совсем не поднималась с подстилки. Она не реагировала на мои прикосновения, почти не пила воду, больше не мурлыкала. Только спала. Я так часто её гладила, хотела запомнить её тепло, что делала это уже механически, и в один момент не заметила, что Плюшка уже не дышит. Я ещё долго гладила мёртвую кошку, смотрела на огонь и неосознанно плакала. Гладила и гладила, гладила и гладила, пока не пришла мама и не увидела это. Она сразу поняла, что Плюшки больше нет. Вновь положила руку мне

на плечо и еле слышным, срывающимся голосом, сказала:

– Малыш. Малыш, прекрати, пожалуйста. Плюшка ушла. Она убежала. Снова.

И я отскочила от кошки, как ошпаренная. Не помню, что было потом. Мама сказала, что я закричала. Сказала, что я не поверила её словам и пыталась разбудить кошку. А потом упала на диван и долго редела. Думаю, в тот момент порвалась последняя ниточка, которая связывала меня с детством.

У меня случилась ужасная истерика. Мама долго не могла уговорить меня выпить чаю с валерианой. После выпитого я спала, а на утро мы пошли хоронить Плюшку.

Глаза не просыхали. Я пила успокоительное, но оно не помогало мне. Или, быть может, всё же спасало меня от истерики. Мы оделись во всё черное и приготовили лопату. Я сказала, что рыть буду сама.

В день похорон дул сильный ветер. Громко шумели камыши, пруд покрылся рябью, а деревья постоянно трогали меня своими голыми ветками. Будь я младше, я бы сказала, что они все скорбят вместе со мной и сочувствуют мне.

После того, как коробка была закопана, я попросила маму уйти и еще долго плакала над могилой. Ведь кроме Плюшки и мамы у меня никого не было.

После смерти мы долго не разговаривали. Обычно, если никто не занят делом, мы говорим. Мама не любит, когда в доме тихо, это её жутко пугает. Я замечала, как она, бывало, кружит надо мной, хочет что-то сказать. Садится напротив

меня, наши взгляды встречаются, и она тут же отворачивается. Видно, решает, что я еще не готова. Потом подходит, прижимает к себе, и мы сидим так очень долго.

Она не так сильно переживала смерть Плюшки, ведь главным существом в её мире была я. Чувствовалось, что она что-то готовила, хотела сообщить важное, что, быть может, ей не так уж и хотелось сообщать, но она была обязана. А я не хотела ничего знать. Я, как и в детстве, сидела либо у окна, либо у камина, молчала или спала. У меня не получалось ни есть, ни читать, ни гулять. Только сидеть или лежать. Первое время я могла целый день не вставать с постели.

Так продолжалось около месяца. Мама всё ходила вокруг меня, всё пыталась сказать, но у неё не получалось. Потом я заговорила. Не радостно, но всё же подала голос. Начала лучше питаться, стала выходить на прогулку. К моменту моей поправки осень близилась к концу, стало очень холодно. Я подумала, что стоит погулять, пока есть возможность. Свежий воздух вернул меня к жизни, я стала чувствовать себя немного лучше. Могилку я старательно избегала, не хотела посещать, чтобы не теревить свежую рану.

И тогда мама решилась.

Это был первый день декабря. Все вокруг было ужасно холодное. В детстве я спрашивала у мамы, зачем придумано такое время, в которое не хочется вставать с постели из-за холода. Я никогда не любила зиму. С зимы, которую я встретила в восемнадцать лет, я стала ненавидеть это время года.

Из-за низкой температуры в большом доме, который мы не могли полностью прогреть самостоятельно, мы кутались в шерстяные шали. Мама нашла их очень давно в старом сундуке и сказала, что их когда-то вязала моя бабушка. Она их очень любила и всегда с любовью в них куталась. А мне они не нравились, они кололись и от них чесались ключицы. Но в то утро я не заметила этого.

Этой ночью мне не спалось. Я снова слушала, как кто-то плачет внизу. Прошло столько лет, но мне все никак не удалось услышать в этом звуке скрип ставней. Из-за того, что я не выспалась, я очень медленно плелась на кухню. По коридору бродил сквозняк. В какой-то из комнат дребезжало окно. Дом в этот день был унылый и серый, еще мрачнее, чем обычно. Да и сама я стала какая-то серая. «Скрип-скрип?», – скрипит пол под моими ногами. «Скрип-скрип!», – отвечают ему запертые комнаты. Но я уже ни на что не обращала внимания. На кухне меня ждет мама. Она греет руки о чашку чая, от неё исходят клубы пара.

– Доброе утро. Ещё немного и твой чай остыл бы, – тихо говорит она. Это не замечание, не осуждение, просто факт, на который я безразлично пожимаю плечами. Я вижу, что ей не терпится со мной поговорить. Она волнуется – теребит ключ, который теперь не висит на её шее, а лежит на столе. Гладит, вертит его, переворачивает, то поднимет вверх на цепочке, то опустит.

Я сижу спокойно и смотрю в кружку. Провожу пальцами

по краю, трогаю голубые цветочки – рисунок на белом фарфоре, он объемный, когда-то мы рисовали эти цветочки вместе с мамой масляными красками. Плюшка тогда наступила в палитру и наследила голубым отпечатками по всему дому. Мы их до сих пор не отмыли. Я мысленно улыбнулась. Всё напоминает Плюшку, с ней связана моя прожитая жизнь. Мама смотрит на меня, молчит. Я знаю, что она решилась на разговор. А она знает, что я знаю.

Воздух холодный и чистый, из-за повисшей тишины кажется стеклом. Сейчас мама заговорит. Сейчас она уронит этот стакан, и он разобьется с оглушительным звуком. Она тяжело вздыхает.

– Малыш, – наконец говорит она. Мне хочется закрыть уши, мне кажется, что я слышу звон стекла. – Послушай, малыш. Ты уже взрослая.

Я молчу. Даже не поднимаю глаз. Не знаю, что тогда происходило на моём лице, но она меняется в тоне, говорит мягче и ласковее.

– Я понимаю, тебе тяжело. Мне и самой когда-то пришлось пережить большую потерю. Я потеряла отца. И... – она запнулась, будто забыла слова. Посмотрела на ключ, словно там была выгравирована подсказка. – Потеряла отца и получила этот дом. Дедушка завещал его нам, ты же помнишь это. Но помимо дома он завещал некоторые дела, которые он не смог закончить. Обязал меня делать их после его смерти.

Я всё ещё молчу. Трогаю пальцами тонкий ободок. Такой тонкий, словно его вывели карандашом на бумаге. Думаю о таких глупостях во время важного разговора и не хочу себя остановить.

– Обязал меня и тебя, – говорит она после паузы. – В завещании он написал, чтобы я передала всё тебе после твоего восемнадцатилетия. Ты должна обязательно прочитать в чем заключается твоя работа, я оставлю его здесь, на столе.

Она вытаскивает бумажку из кармана, кладет её на стол между нами. Сверху кладет ключ. Я начинаю догадываться, о каком деле она говорит.

– В детстве тебе было очень интересно, почему я хожу в подвал. Что я там делаю каждый вечер, а я ответила, что ты узнаешь, когда вырастешь. Я не врала.

Я в первый раз за утро поднимаю глаза на неё. Она серьезна и бледна. Брови у переносицы. Губы – тонкая полоска.

– Теперь это твоя тяжелая ноша, – заканчивает она. Мне внезапно и беспричинно становится смешно.

– Но ключ ведь совсем не тяжелый, – я улыбаюсь, у меня выбивается смешок. Но на маме нет и тени улыбки. Она выглядит несчастной.

– Хорошо, – говорю я. Забираю ключ, вешаю на шею. Мы смотрим друг на друга, и ей кажется, что она глядит в зеркало.

Больше в тот день мы не разговаривали. Разошлись по разным комнатам – она в библиотеку, я в свою комнату. Так

мы и сидели до самого вечера, а потом она постучалась, вошла и сказала:

– Пойдём.

Она была очень напугана. Не объясняла мне, что делать, а я и не спрашивала. Мне было всё равно. Мы дошли до лестницы, которая вела вниз, к подвалу.

– Я ходила туда 15 лет почти каждый вечер, – голос её немного дрожал, свет фонаря мелко трясся. – И я так устала, малыш. Мне думалось, что ещё немного и я сойду с ума. Надеюсь, ты поймешь меня, если я не захочу туда спускаться. Поэтому дальше ты сама.

Она говорила полупшепотом, озиралась и избегала моего взгляда.

– Дверь очень легко открывается, нужно только налечь на неё. Ты справишься, только ничего не бойся, хорошо? Это не трудно. Быстро всё сделала и вернулась. Туда и обратно, хорошо? – она отдала мне фонарь и теперь держала меня за плечи. – Только, пожалуйста, малыш, не забудь закрыть дверь за собой, когда зайдёшь и когда выйдешь. Обязательно закрывай дверь, хорошо? Это очень важно.

Я кивнула.

– Ох! – она прижала меня к себе очень крепко. – Будь аккуратней. Будь аккуратней, малыш. Я буду ждать тебя с ужином.

Потом она отстранилась, поцеловала меня в лоб и ушла. Впервые за долгое время во мне появились какие-то чувства.

Мама озадачила, мне стало интересно, что же меня ждет в подвале.

И я начала спускаться. Ступеньки были каменными, стук моих туфелек эхом отдавался по арочным сводам. Этому звуку не было места, и он бился в стенах, потому что был несвободен, как дикая птица в клетке. Я задумалась, пока смотрела на свои туфли, и врезалась в дверь. Она показалась мне очень тёплой. Сняла ключ с шеи, быстро нашла скважину. Дверь легко поддалась и я вошла в подвал.

Там было очень тепло и темно, хоть глаз выколи. Свет фонаря не позволял мне видеть дальше небольшого кружка, который он освещал. Я растерялась и не сразу увидела в другом конце помещения тлеющий камин. Хотела пойти к нему, но тут же спохватилась. Чуть не забыла закрыть за собой дверь, ведь, по словам мамы, это было очень важно. Я пока не могла понять почему.

Закрыв дверь, я вновь надела ключ на шею и прошла дальше. Мне стало неуютно. Я ничего не видела, но меня не покидало ощущение, что на меня кто-то смотрит. Шаг, еще шаг, фонарь чуть выше, и...

И тогда я их увидела.

По сводам прокатилось испуганное «Ах!». Из темноты на меня смотрели глаза. Очень много глаз, думаю, несколько десятков. Глаза были непарные, они блестели теплым светом огонька фонаря и вопрошали. «Кто она такая? Что она здесь делает?», – будто бы говорили они. Но они молчали. Лишь

задвигались в темноте, начали переглядываться.

Так я вернулась в сказку. Но совсем не в такую, в какую мне бы хотелось вернуться. То была новая сказка моей жизни – жестокая и грустная, – но тогда я этого еще не осознала.

Это был подвал, в котором росли цветы. У цветов были глаза, огромные глаза, которые наблюдали за мной. Я замотала головой и попятилась, с грохотом на пол опрокинулась жестяная лейка. До этого момента мне было неизвестно моё предназначение, но лишь увидев лейку и вновь взглянув на потухший камин, я всё поняла. Я должна ухаживать за цветами. Поливать их и поддерживать тепло в подвале.

Цветы не умели говорить. Это я поняла потом, когда попыталась с ними общаться. Цветы умели двигаться и показывать взглядом, что они чувствуют. Там же я нашла колодец, с которого набирала потом воду, и дрова для топки.

Цветов было очень много, как я уже говорила, несколько десятков. Ими был заполнен весь подвал. Они были даже у самого входа, странно, что я их не заметила сразу. Они встретили меня тепло и каждый раз, когда я потом к ним возвращалась, их глаза сияли от радости. Я с ними разговаривала, потому что привыкла, что мои друзья обычно молчат. Вот, что я имела в виду, когда говорила, что все друзья были странными. Мне было хорошо с ними, и я ожила. Вновь стала выходить на улицу, читать книги, нормально питаться и разговаривать с мамой. Нашла в себе силы навестить могилку Плюшки. Жизнь, казалось бы, наладилась, но я и не

подозревала, что меня ждет дальше.

В тот первый день я сделала всю свою работу. Растопила камин, полила все цветы. Мне было немного жутко и неудобно от их взглядов, потому что они казались мне уж слишком живыми для цветов. Но уже к концу полива я привыкла.

Когда я возвращалась, мама с тревожным взглядом встречала меня у подвала.

– Закрыла дверь? – это было первое, что она спросила. Я не знала, почему её так заботила дверь. «Не могут же цветы сбежать», – подумала я и кивнула ей. Она подождала, пока я поднимусь, и крепко меня обняла. – Ты как?

– Неплохо.

– Точно?

– Точно. Они так смотрели на меня. Сначала мне было жутко, но потом я привыкла.

– Хорошо, – она перешла на шепот. Как всегда начала гладить меня по голове. – Хорошо, малыш. Ты всегда была смелой девочкой. Всё будет хорошо. Только закрывай дверь, это важно.

Мне было совершенно неясно, почему она так переживает. Потом она еще неделю напоминала мне закрывать дверь и встречала меня после подвала. Мне нужно было ходить туда через день, и с каждым разом, выходя оттуда, я становилась всё ярче и ярче.

– Малыш, да ты сияешь! – она заметила это сразу, но не решалась затрагивать эту тему. – Что произошло?

Это было как раз перед моим очередным походом к цветам.

– У меня просто появились новые друзья! – улыбнулась я и исчезла в дверном проеме. Я увидела, как в этот момент побледнела мама, но была слишком весела, чтобы задуматься, почему.

Так пролетали дни и декабрь близился к концу. За окном вывалил снег, улица перестала быть мне доступной. Я с тоской подумала о том, что еще долго не смогу навещать могилу Плюшки. Теперь я окончательно приняла факт смерти своей кошки и больше не грустила. Конечно, я очень скучала по ней и иногда вспоминала пустоту в груди, что оставила мне её смерть. Но теперь в этой пустоте росли цветы из странного подвала. Мама тоже стала немного счастливее – её не могло не радовать, что я поправилась, но всё же её напрягала моя дружба с ними. А потому мы не разговаривали об этом.

ГЛАВА 3

Корешки шершавые и немножко пыльные, я иду вдоль полок, едва касаясь книг кончиками пальцев. В библиотеке светло, за окном неспешно оседает белый пушистый снег. Я чувствую радость от грядущих праздников и удерживаю себя, чтобы не подпрыгивать от рвущихся наружу всплесков настроения.

Я отвлечена мыслями, все думаю, что подарить маме на Рождество, и, несмотря на серьёзное намерение найти новую

книгу, моё внимание скользит мимо авторов и названий.

Но отчего-то палец останавливается книге с золотистым цветком на корешке. Цветок мне знаком – в своей жизни я знала не так много пионов с глазами. Меня озаряет мысль: эту книгу писал мой дедушка! И, не думая более, я вытаскиваю её. Мама говорила, что у дедушки где-то есть собственные сочинения, но она не знала, где они. Надо скорее показать ей, думаю я, и словно ребёнок бегу на кухню.

– Мама! – задыхаясь от волнения восклицаю я. – Посмотри, что я нашла!

– Что такое, малыш? Последний раз ты так радовалась, когда нашла камень интересной формы в детстве, – смеётся она в ответ.

Я протягиваю ей дедушкину книгу, не произнося больше ни слова, и она, прежде вытерев руки, берет мою находку.

– Посмотри, – почти шёпотом повторяю я и стучу пальцем по имени автора.

Но она, почему-то не радуется. Улыбка медленно сползает с её лица, она хмурится и...

В помещении громко хлопает дверь. Я подпрыгиваю на месте от неожиданности и резкости звука. На кухне у нас нет дверей, из-за чего я понимаю, что вновь вернулась в настоящее из воспоминания. На самом деле я сижу на диване в полумраке библиотеки. Событиям, которые мне привиделись, уже более 20 лет.

Я поднимаю глаза на виновницу громкого звука.

– Прости, – она виновато смотрит на меня, придерживая за спиной ручку двери, как будто это ещё что-то может изменить. – Я не смогла удержать дверь, такие ужасные сквозняки!

– Ничего, – отвечаю я. – Пришла взять что-нибудь почистить?

– Нет, я искала тебя. Ты в последнее время постоянно куда-то пропадаешь, – она тревожно оглядывает меня с ног до головы, а потом спрашивает: – Опять они? – садится рядом, и кладёт свою ладонь мне на предплечье.

– Опять они, – киваю головой я. – Этот дом пропитан ими насквозь.

– Что ты видела сегодня?

– Маму. Она готовила ужин, а я прибежала к ней... – я опускаю глаза на самодельную книжку в своих руках. – С этим.

– Оу, – она смотрит на неё вместе со мной. Мы обе знаем, о чем там идёт повествование. – Зачем ты её достала?

– Я не помню. Помню только, что хотела взять новую книгу, зашла в библиотеку, а потом кухня, мама, запах котлет. Там было так тепло и хорошо, но не пропадало ощущение, что скоро случится что-то плохое. Неприятное, липкое ощущение.

– А что случилось потом? – она крепче сжала мою руку и заглянула в лицо. От её прикосновения тревога постепенно отступала, я набрала в грудь побольше воздуха и рассказала.

Рассказала, как не задумавшись над обеспокоенным видом мамы сразу же побежала читать находку. Она меня не остановила. Я села в библиотеке на привычное место, на свой любимый диван, включила светильник, и предвкушая увлекательный сказочный рассказ, принялась читать.

То, что я прочитала, перечеркнуло все, что я знала о своей семье.

«Сегодня со мной произошло удивительное событие. Стоило мне только смириться со скучностью человеческой жизни, как она неожиданно подбросила мне нечто невероятное.

Я снова гулял по черному рынку. Не очень люблю это место, но иногда там можно найти что-то интересное. Редчайшие книги, антиквариат, оружие или драгоценности за бесценок. В большинстве своём люди продают старые вещи, которые им уже не нужны. Мне жаль их, потому что им нужно продавать своё последнее состояние только ради того, чтобы выжить.

Я хожу туда достаточно часто, поэтому знаю всех почти наизусть, как и они меня. Есть пара человек, к которым я прихожу постоянно, есть временные, которые появляются один раз, продают что-то странное, а потом исчезают навсегда. К ним у меня особый интерес, ведь только у них можно купить что-то необычное. Есть продавцы, чьи товары мне не интересны, а потому они относятся ко мне враждебно, не здороваются и лишь только зло смотрят на меня исподлобья.

И вот однажды на рынке появился он. Я называю его Торговец. Никто не знает, откуда он пришёл, ведь он прибыл на рынок раньше всех остальных. Сначала мне подумалось, что он один из однодневок, но он появился и на следующий день.

Увидев его, я немедленно направился к его лавке. Он возвышался над небольшим столом, прямой как струна, спокойный и непоколебимый. Он не зазывал, не предлагал свои товары, но его было трудно не заметить, сложно было пройти мимо этого гиганта. Обращая внимание на огромную фигуру в глухом капюшоне, невольно начинаешь интересоваться, что продаёт этот странный человек.

– Здравствуйте. Что можете предложить? – я осмотрел его товары.

– Порошки, – ответил он негромко и быстро. – Для камина.

– Для камина? – удивился я. – Должно быть, вы имеете в виду порох?

– Никак нет. Хотите покажу их вам?

Я довольно легкомысленно согласился, и он отвел меня подальше, повернул ко всем спинами.

– Смотрите внимательно, – говорит мне, и мы наклоняемся над его ладонями, сложенными в ковш. Он смыкает их, трёт и ладони воспаляются голубым огнем. Я громко удивляюсь, и он поспешно хлопает ими, чтобы потушить. Вид у него скучающий, моё громкое удивление совсем его не волнует. Он словно фокусник, показывающий один и тот

же фокус всю жизнь, который видит одну и ту же реакцию из раза в раз.

– Как вы это сделали? – спрашиваю шепотом и наклоняюсь еще ниже. – Вы не обожглись?

Его руки были чисты.

– Нет, он не обжигает рук, но легко переходит на дерево.

Тогда он достает из кармана палочку, трет её пальцами, проходит секунда, и палочка вся объята пламенем. Пламя ползет к пальцам, мы некоторое время смотрим на горение, после чего он стряхивает её, как спичку.

– Удивительно! – восклицаю я. – Чудо-порошки!

– Обыкновенная химия, – он пожимает плечами. – Будете брать?

– Конечно!

На следующий день он принёс книги авторов, о которых мне никогда не доводилось слышать. Я ходил к нему каждый день и, в общем, собрал уже немалую коллекцию диковинных предметов быта.

Несколько раз я пытался выяснить, где он берет эти чудные вещи, но он всегда уклонялся от ответа или говорил при сказками. Он странный. Стоит над своим товаром, молчаливый и загадочный, смотрит на всех вокруг, изучает. Я не знаю его имени, мне слабо представляется даже его внешность. Он скрывает лицо платком и под капюшоном. Один раз мне удалось разглядеть, что у него всего один глаз, прозрачно голубой, очень хмурый и серьёзный. Вокруг пустой

глазницы много шрамов, я подозреваю, что под платком он прячет уродство. Мне бы очень хотелось узнать, какой он человек и что происходило в его жизни, но он не подпускает меня ближе, чем на расстояние между продавцом и покупателем.

Но сегодня он вёл себя иначе.

Сегодня он не стоял прямо, как обычно я привык его видеть. Он сидел и что-то крепко держал на коленях. Голова его была беспокойна, он постоянно мотал ею из стороны в сторону. Завидев, как я направляюсь к нему, он дернулся и больше не сводил взгляда, что свидетельствовало о том, что ждал и искал он именно меня.

– Приветствую, – как всегда неспешно произнес я. Было видно, что он нервничал. На коленях держал коробку, покрытую мешковиной, под ней я заметил движение.

– Что у нас на сегодня?

– У меня нет времени на долгие разговоры. Купи их, я не возьму дорого. Прошу.

– Кого, их? – спрашиваю я. Мне кажется, что у него коробка с котятами или щенками, на крайний случай со змеями. Но, если бы он сказал мне, что продаст их только если я угадаю, то я бы никогда не смог их купить.

– Цветы. Прошу. У меня нет времени. Мне нужно срочно от них избавиться, – он говорил жалобно. За этим делом крылось что-то неладное, я сразу это понял.

– И меня убьют вместо тебя? Нет, пожалуй, откажусь, – я

хотел было отойти, но он схватил меня за рукав.

– Прошу. Они не найдут тебя. Они будут искать меня, но цветы будут уже с тобой, они никогда не узнают, куда я их спрятал. Пожалуйста.

Я молчал. Смотрел на блеск глаза из глубины капюшона, на мешковину, которая шевелилась.

– Ладно. Но сначала я хочу увидеть их.

– Только быстро. Ты будешь удивлен, но опять же...

– У тебя нет времени на это, да, помню.

Он, не отпуская моего рукава, потянул за собой в тень. Мы повернулись к толпе спинами, создавая надежные от посторонних взглядов стены. Я жадно смотрел, как шевелится мешковина, как торговец одной рукой придерживал коробку, а другой оттягивал край покрытия. Клянусь, в этот момент время будто бы замедлилось, и прошла целая вечность, прежде чем я увидел эти "цветы".

Из маленького уголка, который он мне открыл, на меня посмотрели маленькие любопытные глаза. Сначала они потянулись к нам, а потом резко отпрянули от света. Я увидел всего лишь пять или шесть цветков и подумал, сколько же их окажется в целой коробке.

– Им вреден солнечный свет, они его боятся, найдёшь записку по уходу за ними внутри коробки, – быстро объяснил он и передал мне цветы. Я покорно принял их, ничего не сказав. – Приходи завтра в это же время, но не ищи меня. Я сам тебя найду. Тогда и оплатишь.

Не успел я ничего спросить, как торговец сорвался с места и убежал. Я не смотрел ему вслед. Я наблюдал, как шевелятся цветы под мешковиной.»

Помню, как чтение увлекло меня тогда. Я не замечала как бежит время. Это была не сказка, но получилось очень интересно. Я бы читала и дальше, но, как только я перевернула страницу, на колени мне выпал свернутый вчетверо листок.

«Цветы должны расти в темном и очень теплом месте, подалеже от суеты и солнечного света. Летом поливать каждый день, зимой через один. Сейчас они маленькие, но спустя год очень сильно вырастут, готовь им большое помещение и один большой горшок. Им лучше держаться вместе, у них очень сложная система корней, они ими переплетаются. Один цветок погибнет без остальных. Они чувствуют боль, будь аккуратен. Им очень важно твоё отношение к ним, поэтому будь добр. Можешь разговаривать с ними, но они ничего не слышат, только ощущают. Удачи».

Записка об уходе за цветами, написана быстрым угловатым размашистым почерком. Он спешил, когда писал её, не думал об аккуратности. Но, пожалуй, даже для человека, который спешит, он очень красиво писал. Думаю, его жизнь была связана с книгами или какими-нибудь архивами. Мне стало интересно, жив ли этот торговец и продолжает ли он дальше свое дело. Я пожала плечами, сложила бумажку вчетверо и вложила её обратно.

«Не помню, как я добрался домой. Я был глубоко в своих мыслях, в моей голове бушевал нескончаемый вихрь вопросов. Откуда эти цветы? От кого он бежал? Кто он такой? Не сошел ли я с ума? Как появились эти цветы и где они растут?»

Помню только, как мне было тяжело отпирать дверь одной рукой. Помню, как меня встретила моя дочь и, увидев меня, стала очень тревожна.

– Папа, всё хорошо? – помню, спросила она. – Ты очень бледен. Что случилось? Что это у тебя в руках? Это... котята?

На секунду она озарилась. Она очень любит кошек. Но моё лицо по-прежнему было серьезным и бледным, и она вновь погасла.

– Нет, солнышко, это не котята, – медленно произнес я. – Закрой шторами окна в гостиной, я хочу показать тебе, кого я принёс. И убедиться, что это вижу не один я.

Она немедленно побежала в гостиную. Я снял пальто и обувь и пошел за ней. Цветы шевелились, а вместе с ними и волосы на моей голове.

– Ну что там, пап! Ты меня пугаешь! – дочери не терпелось. Она теребила юбку и крутилась вокруг меня, пытаясь заглянуть в коробку.

– Сейчас, солнышко, секунду.

Я сел у камина на колени, чтобы на коробку падал хоть какой-то свет. Я полагал, что свет огня не будет для них вре-

ден.

Дочь стояла надо мной, и я жестом попросил её сесть напротив. Мы сидели, затаив дыхание, и смотрели на то, как двигается мешковина.

– Кто там? – прошептала она.

– Я не знаю, кто это, – ответил я, глубоко вздохнул и сорвал мешковину. На нас уставились десятки непарных глаз. Дочь громко ахнула.

– Папа... – лишь смогла вымолвить она. У стенки коробки я увидел записку и быстро прочитал её.

– Не пугайся их. Им очень важно то, как ты к ним относишься.

– Папа, но это же... такого не может быть! – она повысила голос, я подставил палец к губам. Теперь же я позволил себе рассмотреть цветы.

Глаза были маленькими и самыми обычными. Разных цветов – зеленые, голубые, карие. И их было очень много. Они пугали и восхищали одновременно. Первое, что я подумал о них – жуткие. Подумал так, а в ответ на их изучающие взгляды улыбнулся. Нельзя, чтобы они думали, что я их боюсь. В тот момент я надеялся, что верну торговцу его цветы.

– Солнышко, улыбнись им, пожалуйста, – сказал, улыбаясь я, видя, что моя дочь кривит лицо. Она постаралась выполнить мою просьбу. У неё плохо получилось, но цветы, кажется, остались довольны.

Мы боялись их сначала. К вечеру я привык к ним. А на

следующее утро, заглянув в глаза, и вовсе передумал отдавать их обратно. Дочь же не смогла привыкнуть к ним ни к вечеру, ни к утру, ни на следующий день. Она не хотела их видеть.

Ночью цветы спали. Закрывали глаза, а следом и бутоны. По виду они напоминали пионы.

Я пришел на рынок в назначенное время и неспешно прохаживался по нему. Теперь я искал садовые приборы, чтобы ухаживать за своими малышами. Когда я выбирал лейку, ко мне пристроился мужчина и прокашлялся.

– Садовый инвентарь ищите? – сказал он тихо. – Тут недалеко есть лавка с полным набором.

– Правда? – изумился я. – Не знал, что тут бывают полные наборы. Что ж, тогда проводите меня.

– Конечно, – он схватил меня под локоть, быстро увел вдоль других лавок, делая вид, что и правда меня куда-то ведет, а потом мы нырнули в один из узких переулков. Это был торговец. Сегодня был одет немного иначе, чем обычно, на нем была огромная сумка, капюшон еще глубже.

– У нас... – начал он, но я его перебил.

– Очень мало времени.

– Да. Правильно мыслишь. Мне нельзя здесь долго задерживаться.

– Хорошо. Сколько с меня? – я засунул руку за пазуху, во внутренний карман, где лежал кошелек. Он придержал мою руку.

– Ни сколько.

Я опешил.

– Мне не нужны деньги, – объяснил он. – Из цветов я уже выжал, сколько мог. Я беру услугами, когда не нуждаюсь в финансах. Поэтому у меня будет к тебе просьба.

– Выкладывай, – я уже был готов отказаться от цветов.

– Потом. Не сейчас. Пока мне ничего не нужно, но когда мне понадобится твоя помощь, я приду. Где ты живешь, я знаю, поэтому жди в любой момент, – он говорил очень тихо, но его было слышно отчетливо. Стоял прямой как струна и спокойный. Как всегда.

– Что?! – от неожиданности я воскликнул.

– Тише. Не кричи. Мне пришлось тебя проверить. Ты слишком часто ко мне заходил, я думал, что ты шпион. Но так как ты чист, я смог тебе довериться. Спасибо.

Он пожал мне руку и нырнул в очередной переулок. Я метнулся за ним, но в переулке уже никого не было.

Вот такие необычайные вещи со мной приключились!»

На этом запись была закончена и начались рисунки. Дедущка изобразил цветы, постарался точно передать их строение. Было и несколько зарисовок торговца, но по ним было ничего не понятно. Это была человеческая фигура одетая так, что ни лица, ни телосложения не было толком видно. Цветы меня не интересовали, меня очень привлекла личность торговца, ведь она была загадочной. Я полистала скуч-

ные зарисовки цветов и дошла до следующей записи. Тут у дедушки снова что-то произошло.

«Он вернулся.

О, лучше бы он не возвращался. Лучше бы его вообще не было. Лучше бы я не заметил его в толпе торговцев, не покупал бы у него вещи, а уж тем более не брал даром у него цветы. Несмотря ни на что, чудес не бывает и бесплатный сыр только в мышеловке. Разве не этому учила меня моя мать в детстве, когда мы расставляли ловушки для мышей?

Я знал, что пригожусь ему для чего-то. Знал, что он вернётся, но не знал когда и с какой просьбой. Я совсем не думал об этом, почему-то моя старая голова не хотела вспоминать наш уговор.

И вот он вернулся. Постучался одним весенним вечером ко мне в дверь, и я сразу понял, что это он. От одного только стука мне стало тревожно. В это время мы пили с дочерью чай и рассуждали о жизни.

– Кто это, пап? – спросила она и нахмурилась. Я притворился, что не имею ни малейшего понятия, и пожал плечами.

Пока не буду переходить к самой сути и расскажу, как прижились у нас цветы.

Этот дом, в котором мы живем, достался мне от моего прапрадеда. Он передается от отцов к детям уже несколько поколений и потому многое мне в нём непонятно. Например, зачем в подвале у нас стоят печка и колодец. Я полагал, что

там раньше была баня, но стены были холодные и каменные. Бывал в подвале я от силы раза четыре, но как только речь коснулась устройства цветов, я сразу понял, куда их нужно деть. Несложно понять, как мы их обустроили.

Они росли – прошло три месяца, они стали немного больше и я даже уже менял им кадку. Я сам ухаживал за цветами, дочь все ещё боялась и словно старалась забыть о них, и я её понимаю.

Жизнь вошла в привычное русло ,по крайней мере мне так казалось. Всё было как обычно, только лишь я каждый вечер удалялся в подвал.

Я полюбил эти цветы и не чаял в них души. Они поистине прекрасны, хоть и мало кто разделит это со мной. Поэтому у меня и в мыслях не было сожаления о том, что я их забрал.

А теперь суть.

В дверь постучали, и я поспешил открыть её. Я был уверен, что это он, потому что это не мог быть никто другой. Соседи никогда нас не посещали, а если и посещали, то точно не вечером. Гостей из других краев мы не ждали.

Я приоткрыл дверь.

– Здравствуй, – произнес он и сделал шаг ко мне, чтобы пройти. Я не открывал дверь полностью. – Не вступишь гостя? Сегодня у нас много времени.

– Здравствуй, – медленно ответил я и заглянул за его спину.

– Никто за мной не идёт сегодня, – вздохнул он. – Но если

ты будешь держать меня снаружи, нас точно кто-нибудь заметит. Кажется, твоя соседка приоткрыла шторку, видишь? Любопытный старый нос...

Я быстро открыл дверь, торговец скользнул внутрь. И только в помещении я заметил, что он пришёл не один.

– Мы как раз пьём чай, – сказал я, не сводя взгляд с маленькой фигурки рядом с ним. Я подумал, что это ребенок. Фигурка была укутана в одежды, точно так же, как сам торговец, и всё жалась к его ноге. – Кто это?

– Это? – он повернулся на фигурку, будто бы все это время её не замечал. – Моя проблема.

– Папа? – голова дочки появилась в проеме. – Здравствуйте.

Торговец кивнул в ответ. Я мысленно поблагодарил её за то, что она не начала задавать вопросы.

– Солнышко, приготовь, пожалуйста, ещё одну... нет, еще две кружки чая. Наши гости долго к нам шли и, полагаю, очень устали, – когда дочка исчезла, я зашептал: – Что значит твоя проблема? Почему ты заявился с ней ко мне? Ты решил повесить на меня ребёнка? С ума сошёл? И это моя плата?

– Не торопись. У нас полно времени. Предлагаю обсудить всё за чаем. Мы же всё-таки очень устали.

Он улыбался, я слышал это. Раздеваться он не стал. Всё также был в повязке и капюшоне.

– Пойдём, – сказал он более ласково, чем обычно, и маленькая фигурка отцепилась от ноги. Он был ростом чуть

выше его колена, я прикинул, что ребенку четыре года. Со-
всем маленький.

Когда мы пришли, дочь уже разлила чай. За столом мы
обычно сидели только вдвоем, поэтому ей пришлось бегать
за стульями.

– Спасибо, солнышко, – сказал я. Она покраснела от быст-
рой и тяжелой работы, громко дышала, но пыталась делать
невозмутимый вид. Мы сели за стол и пили молча еще ми-
нут пять. Ребёнок не пил чай, не прикасался к кружке, лишь
сидел, опустив голову и, кажется, плакал. Было слышно, как
тихо он шмыгает и всхлипывает.

Я пытался делать вид, что не тороплюсь. Ведь времени у
нас очень много. Торговец как будто бы не замечал нас. Что-
бы пить чай, ему пришлось опустить прикрывавшую лицо
материю. Моя дочь этого не видела, но я, сидевший напро-
тив, видел всё. Видел кривой нос, видел рассеченную губу
и бесчисленное количество шрамов. На подбородке, щеках,
носу, от них не было свободного места. Единственная уце-
левшая часть лица – правый глаз. Его не смущало то, что я
смотрю на него, не отрываясь, не смущала моя дочь, которая
не знала, куда себя деть и смотрела в пустую кружку, не сму-
щали и слезы ребенка.

Наконец, он осушил кружку, потом посмотрел на мою
дочь, следом на меня и многозначительно кивнул. Я всё по-
нял.

– Солнышко, – начал я. – Дело в том, что у нас с гостем

очень важный разговор. Не могла бы ты подняться к себе в комнату или в библиотеку?

– Хорошо, пап.

Она поднялась и ушла.

– Что за цирк, – проворчал я. Я мало ворчу, но сегодня мне пришлось много нервничать.

– Я отдыхал.

– Мог бы поблагодарить за гостеприимность.

– Спасибо, – легко согласился он. Мы еще немного помолчали. Я не стерпел.

– Прошу, скажи уже, зачем пришёл, не томи. Ты заставляешь меня нервничать.

– Хорошо. Я думал, как начать. Ты подумал, что я пришёл к тебе требовать платы, но это не так. Мне не нужна плата. Когда ты забрал у меня цветы, ты спас жизнь мне и этим растениям. А теперь я... В общем, я нуждаюсь в твоей помощи.

И вновь умолк. Хлюпал ребенок. Прямо над нашими головами, этажом выше, шла моя дочь, и мы слышали её шаги. Где-то стучала ставня. Шаги прекратились, ставня была закрыта.

– Почему именно моей? У тебя больше никого нет? Никогда в это не поверю.

– Никого.

– Интересно, почему? Потому что ты снова пытаешься спасти шкуру за счет чужой безопасности? Я отказываюсь тебе помогать.

Он не смутился. Был готов к этому.

– Послушай сначала, какая просьба. Ты единственный, кто может мне помочь.

Я согласился выслушать, но теперь жалею, что не выставил его тогда за порог.

– Ты хочешь спихнуть на меня ребёнка. Дай угадаю, тебе хотят отрубить голову за него? – ребёнок громко всхлипнул.

– Нет. Не в этот раз, – он покачал головой. – Даже если бы это было так, у тебя безопасно. О том, что он здесь, никто не догадывается, это место забыто всеми богами и никому не нужно. Тут можно спрятать всё, что угодно. Дело в том, что у этого малыша никого не осталось, кроме меня.

– И? Ты, сердобольный герой, решил найти ему дом?

– Я знаю, что я негодяй и зарабатываю на жизнь не самыми честными способами, – видя, что я хочу задать вопрос, он меня остановил: – А какими тебя не касается. Но ему правда нужен дом, я не могу таскать его с собой. Люди не примут его.

– Почему? Они не так жестоки, как ты думаешь.

– Потому что он не человек.

И тогда он раскрыл мне его лицо. Это было странное существо, которое и близко не было похоже на человека.

Это был самый настоящий маленький уродец.

У него была голова шарик, тонкая длинная шея. Вместо носа две дырки, глаза черные бусинки, из которых то и дело капали огромные слёзы. Он без остановки плакал.

Серая морщинистая кожа в складках, приоткрытый рот, из которого виднелись отнюдь не безобидные зубы. Я не знаю, что это за существо, но при виде его мне сделалось жутко. Такого не бывает. Такого просто не может быть.

С самого детства я искренне верил в чудеса. Сейчас же, когда я смотрю на что-то из ряда вон выходящее, мне хочется проснуться. Я уже не ребенок и мне трудно это принимать. Мне очень много лет, меня слишком долго пытались убедить в том, что чуда не произойдет и у них удалось.

– Кто он такой? – испуганно прошептал я. Из-за моих слов уродец заплакал ещё сильнее. – Кто ты? Кто вы такие?

– Тише.

– Откуда ты его взял? Откуда ты взял эти цветы? Что происходит в твоей жизни? – я не мог остановиться. Я был потрясён до глубины души.

– Я не могу, – тихо ответил он. – Мне нельзя.

– Почему именно я? Зачем ты рушишь мою жизнь?

– Послушай. Я оказался здесь не по своей воле. И это место совершенно не знакомо мне, здесь я бессилен, беспомощен. Я лишился всего. У меня нет своего дома, не было денег, и первое время не было возможности их заработать. У меня нет ни единого близкого или хотя бы знакомого человека. Единственный, кто заинтересовался мной, в ком я нашёл малейший отклик – это ты.

– Не верю тебе, – отрезал я.

– Ты имеешь на это право. У тебя нет весомых причин

мне доверять. Но все, что я тебе сказал, чистая правда.

– И что же? Ты живёшь на улице?

– Нет. Прошло три месяца с тех пор, как я здесь оказался. По началу все шло из рук вон плохо и я не понимал ваши порядки. Но теперь я освоился и веду торговлю в соседнем городе.

– Почему ты не вернёшься туда, откуда пришёл?

– Я не могу. Путь обратно перекрыт.

– Как такое возможно? – я похолодел от осознания, что они оба *не отсюда*. На нашей планете нет места, где бы водились подобные существа.

– Прости, но я не могу сказать тебе ничего более.

Я уставился в стол, скрестив руки на груди, и тяжело дышал от волнения. Сердце суматошно билось об стенки грудной клетки. Торговец продолжил:

– Я снимаю комнату у милой старушки, которая постоянно косо на меня смотрит. Но город больше, чем ваш, там мне проще сливаться с толпой и не вызывать к себе вопросов. Там заезжих все-таки больше, чем здесь. Все только начало налаживаться, как мне на голову свалился он.

Он гладил фарфоровую опустевшую чашку, которая казалась в его руках игрушечной. Подбирал слова.

– Я живу в центре города, – медленно проговорил он. – В съёмной комнате небольшого домика. Старушка живёт на этаж ниже. И она постоянно сидит дома. А он, – торговец кивнул на хныкающее существо неизвестного происхожде-

ния, – ещё совсем ребёнок и не будет сидеть на месте. Для маленькой комнаты в небольшом доме он слишком шумный.

Теперь молчал я, хотя прекрасно видел, что он ждёт моего ответа.

– У меня никого нет, – повторил он. В голосе появилась умоляющая нотка. – Будь у меня свой дом где-нибудь за городом, такой, как у тебя, ты бы никогда не узнал ни обо мне, ни о цветах, ни о нем. Если бы я знал, как вернуться домой, я бы не сидел сейчас здесь. Я очень хочу знать, как это сделать. И я обращаюсь к тебе от безысходности. Я не хочу его убивать. А здесь, в этом доме, о нем никто и никогда не узнает. Ты живёшь на отшибе города, в забытом всеми богами месте. Пожалуйста. Прошу тебя, оставь его у себя. Я...

Он умолк, запнулся на полуслове, как будто позволил себе лишнего. На секунду мне показалось, что я вижу не крепкого уверенного мужчину, а потерянного мальчишку, который не знает, куда деться. И он, скорее всего, почувствовал себя в этот момент так же, а потому и замолчал.

Я не до конца понимаю, почему согласился взять уродца. Возможно, я хотел заботиться о ком-то. Моя дочь уже давно не маленькая, я вижу её утром за завтраком и вечером за ужином, все остальное время она пропадает где-то в городе. Мы уже не так близки, как раньше, и скучая целыми днями в большом пустом доме, я чувствую себя одиноким. Когда у меня появились цветы, мне стало чуть лучше.

Вероятно, я подумал, что уродец будет как домашний пи-

томец – собака или кошка. Быть может, я хотел, чтобы в доме было не так тихо. Или же я пропитался жалостью к безысходности жизненной ситуации торговца? Не могу сказать точно.

Но спустя некоторое время я глубоко вздохнул и произнёс:

– Ладно. Но мне не по себе от его вида. При нём есть записка по уходу?

– Конечно. Я позаботился об этом, – он полез в карман.

– Ты знал, что я соглашусь?

– Мне хотелось в это верить. Спасибо тебе за всё. Ты при-
выкнешь к нему. Он безобиден. Не умеет говорить. Не шумит и не буйнит, только очень много плачет. Но если окружить его любовью, то он перестанет. Ему необходим кто-то. Позаботься о нём, пожалуйста.

Он встал из-за стола.

– Мне пора.

– Уже уходишь? У нас же много времени?

– Нет смысла здесь оставаться.

– Заходи ещё. У нас не бывает гостей, мы всегда будем рады. Здесь откровенно скучно.

И он ушёл. Погладил уродца по голове и молча вышел. Я не стал его провожать, даже не посмотрел ему вслед. Но я знал, что если сейчас открою дверь, то не увижу его нигде поблизости. Он испарился.

Я смотрел на сложенную вчетверо бумажку и думал. Уродец зарыдал и на этот раз очень громко.

Его плач был просто не выносим. Не знаю, потому ли, что я испугался его или же он был таким на самом деле, но терпеть я это был не намерен.

– Тише, тише, маленький, – я попытался погладить того по голове, но он отдернулся от руки, вскочил со стула и убежал. Я подскочил за ним, чтобы не упустить его из виду, но уродец лишь забился в угол и сел на пол. – Хорошо. Посиди, пока я не пойму, как с тобой обращаться.

Он уткнулся головой, и плач зазвучал приглушенно. С этого момента покой в нашем доме был навсегда утерян.

«Питается всем, но, в частности, мясом. Лучше обработанное, но и сырое тоже подойдет. Если он будет есть ваших мышей и крыс, не пугайтесь. Повадки у него отнюдь не человеческие, поэтому не требуйте от него много. В целом, вы можете приучить его сидеть с вами за столом и есть столовыми приборами из тарелки, но это будет очень трудно и, скорее всего, вы быстро опустите руки. Он обожает наряжаться, поэтому, по возможности, предоставьте ему какие-нибудь старые детские вещи. Он совсем ребенок, поэтому нуждается в любви и внимании, особенно после того, как потерял мать. В противном случае он вырастет злым и будет делать очень плохие вещи, никому не желаю узнать какие. Не кричите на него и не показывайте злость, постарайтесь объяснять всё добрым языком, но доходчиво. Никаких наказаний. Если он плачет, советую показать ему, что вы хотите помочь, а потом крепко обнять. Проявляйте ласку и заботу,

это очень важно. Спать он может где угодно, но если вы уложите его на кровати, он будет счастлив. На ночь лучше не оставлять его одного – пока он мал, он боится темноты. На этом, пожалуй, всё».

Я дочитал записку, и она упала на стол. На меня повесили воспитание ребенка, самого настоящего трудного ребёнка, с которым нужно аккуратно обходиться. Я посмотрел в угол, в котором он рыдал и тяжело вздохнул. Моей дочери уже почти девятнадцать лет. Я уже забыл, как нужно обращаться с детьми.

Мне пришлось подняться и сесть рядом с ним. Я положил руку на плечо, и попробовал заговорить:

– Почему ты плачешь, солнышко? – на слове солнышко он дернулся. – Тебе не нравится у нас дома? Тут хорошо, посмотри. Мы тебя не обидим, мы хотим тебе всего самого наилучшего. Смотри, у нас есть игрушки.

Я взял с ближайшей полки куклу и показал ему. Он повернулся ко мне. Кажется, у меня получилось его заинтересовать.

– Ну, подойди ко мне, Солнышко. Всё хорошо. Он вернется, ему нужно быть в другом месте, – я погладил его плечу и попробовал потянуть его к себе. Я не знал, понимает ли он меня, потому что в записке ничего об этом сказано не было. Сначала он не давался. – Солнышко. Солнышко, всё хорошо, не плачь, пожалуйста. Солнышко.

Лишь одно я знал точно – слово «солнышко» определенно

вызывало у него реакцию. Я предпринял вторую попытку, и она оказалась удачной. Мне удалось его обнять.

И он успокоился.

– Всё хорошо, Солнышко. Мы твои друзья. Мы полюбим тебя. Всё будет прекрасно.

До вечера он больше не поднимал шум, но плакать не переставал. Крупные горошины скатывались по круглой щекам, падали на курточку, на пол, на ковры. Его можно было выследить только по мокрым следам. Моя дочь еле держалась в сознании, когда увидела его, но я глазами умолял её улыбаться.

Мне везде приходилось водить его за руку. Мы пришли в старую детскую комнату, и мне пришлось искать её старые платья возраста четырех лет. Меня не особо волновал пол этого существа, да и его, похоже, тоже. Он впервые за весь день остановил поток слёз и улыбнулся, глядя на своё отражение в голубом платье. В этой же комнате он нашел себе мягкую игрушку – плюшевого кота, которого дочь очень любила в детстве, и остался доволен. Спать я его уложил в одной комнате с собой, чтобы ночью нас не будил его плач. Кажется, он быстро уснул, как и я, но дальше произошло что-то странное.

Ночью я проснулся от кошмара и долго смотрел в стену. Потом мне стало неудобно лежать на боку и я перевернулся на спину и оцепенел от ужаса. Уродец стоял прямо над мной и не двигался. Сложно было понять боковым зрением,

но вроде бы он не сводил с меня взгляда. Мне стало очень страшно.

Он молчал. Не двигался. Не шмыгал, не хлюпал, а значит, что он даже и не плакал. Просто стоял и смотрел.

Будь то моя маленькая девочка, я бы был уверен, что она лунатит или перепутала кровать, но тут мне никак не удавалось себя в этом убедить.

Ничего о природе этого существа я не знал, но ведь у него же может быть лунатизм? В записке опять же ничего об этом не сказано.

От страха я зажмурил глаза. Попытался уснуть. У меня не получалось, ведь я знал, что он всё ещё стоит надо мной.

Не знаю, сколько времени прошло, оно двигалось непонятным мне ходом, но он медленно вернулся на свою кровать. Я не мог уснуть ещё очень долго, всё слушал его дыхание. Он плакал во сне, но, слава всему, больше не вернулся.

На стене появились красные полосы прежде, чем мне удалось уснуть.

Утром яркость произошедшего угасла, но я не смог это забыть. У меня не получилось даже списать это на страшный сон.

Поэтому я решил переселить его в другую комнату. Я знал, что это будет очень трудно, ведь ребёнок уже познал прелесть сна со своим защитником.

Все решения происходили, пока я лежал в постели и не желал вставать. Потом я приподнялся на локтях, посмотрел

на его кровать и никого не увидел. Он исчез. Дверь моей комнаты была приоткрыта.

Точно не скажу почему, но в этот момент я подскочил и, едва вдев ноги в тапки, выскочил из комнаты. Не знал, где его искать, поэтому побежал в гостиную – это было первое, что пришло мне в голову.

И я угадал. Он сидел у камина спиной ко мне и сотрясался. Я подумал, что он снова рыдает. Он услышал мои шаги и повернулся ко мне.

Маленький его рот был весь в крови, а в лапах он зажимал недогрызенную крысу. Я ужаснулся. На диване сидела моя бледная как полотно дочь.

– Папа, – тихо сказала она. – Я очень...

Она не договорила. Я всё понял сам. Боюсь.

Хотел ответить, что я тоже очень боюсь, но понял, что уродец на нас смотрит. И улыбнулся. Я хорошо умел улыбаться.

– Где ты взял это, Солнышко?

Дочь вздрогнула.

– Разве тебе не говорили, что питаться крысами очень вредно? Мы бы накормили тебя очень вкусным мясом на завтрак, Солнышко, но, видимо теперь придётся ждать обеда.

Я подошел и погладил его по голове. Он смотрел на меня своими черными бусинками, а из них всё капало и капало. Судя по всему, он ни черта не понял.

Настоящее и самое первое моё солнышко, сидела сзади

нас в оцепенении и с ужасом наблюдала за картиной. Я сел к ней.

– На тебе лица нет, – прошептал я. – Наша кошка тоже ела мышей, разве ты не помнишь?

– Ела. Ела, да, – согласилась она, не отрывая взгляда от шершавого круглого затылка. Дальше она понизила голос. – Но она не стояла по ночам у моей кровати молча. Она не плакала. И выглядела она очень приятно.

Я почувствовал, как по коже пробежались мурашки, но ничего ей не сказал.

– Как он нашел мою комнату, папа? – продолжила она. – Мне будет теперь страшно засыпать.

– Будешь закрываться на ключ ночью, – сказал я. – И я буду закрываться.

– Я так и сделала, когда он ушёл. Закрылась, потому что боялась, что он вернется. Зачем ты забрал его?

– Я не знаю.

И я не знал, что делать дальше. У нас был сложный капризный уродливый ребенок, которого нужно окружить любовью и воспитать. Но он пугает нас. Он наводит страх.

А каким он станет, если не вырастить его в любви, мне не сказали. Но отчего-то мне не хочется проверять.

..**. .

Прошла неделя. Дочь стала закрывать дверь на ночь, а потому стала спокойнее. Я провел целый день с малышом, и у меня не поднялась рука его переселить. Теперь пью креп-

кое снотворное на ночь, чтобы не пробуждаться. И вот уже несколько ночей меня также ничего не тревожит.

В том, что он ест крыс и мышей, я увидел одни только преимущества. Во-первых, мы избавляемся от грызунов, во-вторых, не нужно много думать над тем, чем кормить ребенка.

Я попытался сажать его за стол и класть ему обычную пищу. В первый раз он опрокинул тарелку и разревелся, во второй раз я сидел рядом и кормил его с ложки. Он немного сопротивлялся, но запах мяса его умирал.

Он уронил уже три вазы и два горшка. Разодрал несколько игрушек из детской. Мне удастся его усмирить, только когда мы примеряем наряды или едим. В остальное время он куда-то убегает, и мы не имеем понятия, где он, пока не услышим звон стекла или керамики.

Иногда его можно найти по синтепону, который сыпется с игрушек. Или по следам грязи, которые он оставил после того, как разбил горшок с цветком.

Он стал реже плакать, потому что я стараюсь уделять ему внимание. Мне больше нечем заняться в этом огромном доме, раньше я читал или уходил на рынок, а теперь я смотрю, как маленькое уродливое чудище крутится вокруг зеркала и улыбается острозубой улыбкой.

И всё же способность привыкать у меня развита намного больше, чем у моей дочери. При виде уродца она всё еще вздрагивает, в то время как я уже смирился с ролью воспи-

тателя.

Сегодня я водил его к цветам.

Он был в восторге. Улыбался и пытался верещать, гладил их по лепесткам, бегал от одного к другому и всё заглядывал в глаза. Клянусь, в этот момент он был самым милым существом, которое я когда-либо видел. Он помогал мне ухаживать за ними, отобрал лейку и неуклюже поливал.

Цветы, как ни странно, приняли его хорошо. Если бы у них были рты, они бы улыбались весь вечер.

Я два дня искал способы, как дарить тепло и любовь этому существу, и, наконец, нашел три способа. Теперь я могу быть спокойным.

Всё будет хорошо.»

Записи кончились. Дальше снова рисунки.

Я увлеклась и не заметила, что мама зовёт на ужин. Она стояла в дверном проёме и смотрела на меня. Кажется, с тех пор, как я её покинула, на ней совсем нет лица.

– Ужин готов, – она попыталась улыбнуться.

Мы ели молча. Никто так и не смог нарушить тишину.

После ужина я сразу продолжила читать.

«О, я несчастен.

В последней записи я говорил, что всё будет хорошо, но как же я ошибался.

Как я уже говорил, дом наш потерял покой с появлением в

нем уродца. Любой дом теряет покой, когда в нём появляются дети, но когда в нем появляются жуткие бесноватые дети, в доме становится жутко.

Но и к этому можно привыкнуть. Мне далось это очень легко, а вот моей дочери...

Она не смогла смириться. И поэтому я несчастен.

В один день она нашла меня и попросила присесть, после чего заявила, что переезжает и выходит замуж. Не смогу передать диалог в точности, я был слишком шокирован.

Она не стала просить у меня разрешения, не стала уговаривать. Она уже собрала вещи и просто поставила меня перед фактом. Объяснила, что не хотела так скоро съезжать, но теперь жизнь в родном доме стала ей невыносима. Я не виню её. Ей 18 и она вольна делать что угодно.

Кто её муж, не имею понятия. Она ушла и вот уже неделю не появляется. От неё не пришло ни единого письма.

Она ушла в тот же день, что сообщила мне о переезде, чтобы у меня не получилось её отговорить. А я был настолько обескуражен, что даже не пытался.

До сих пор вспоминаю, как трепыхался её красный шарф, когда она уходила к линии горизонта. Как хрупкая фигурка становилась всё меньше и, казалось, сейчас сломается от сильного ветра.

Она взяла с собой только один чемодан. Дверь в свою комнату заперла, а ключ забрала с собой.

От того, что она ушла, в доме не стало тише. Маленький

бесенок отлично справлялся с этим. В доме стало пусто.

В глубине души я злился на уродца за то, что он здесь появился. Я не знал, какая у него история, но меня сильно раздражал тот факт, что он каким-то образом попал к нам в мир.

**.*.*.*

Ничего не изменилось.

Одиночество пагубно на меня влияет. Его не скрашивает ни уродец, ни цветы. Но я пытаюсь растить его с заботой и вниманием, хоть и не могу его полюбить.

Я очень несчастен.

**.*.*.*

Прошло ещё два месяца. Она не вернулась. Торговец не приходил. Я окончательно привык к уродцу.

**.*.*.*

Уродец растёт. Если бы не пометка в календаре, я бы потерял счет времени. Сегодня мы с ним праздновали год, как он появился в этом доме. Он сидел в смешном праздничном колпаке из картона, который на праздники надевала моя дочь, в её старом розовом платье и улыбался. Кажется, он счастлив.

Несколько дней назад приходил торговец. Привёз мне угощения, но я к ним даже не прикоснулся. Я не хотел его видеть, не хотел с ним разговаривать и даже не предложил ему чаю. Он не разбавил моего одиночества.

Иногда я хожу в город и оставляю уродца в подвале с цве-

тами. Он не против. Ведь он уже совсем взрослый.

Я блуждаю, хожу по городу и ищу глазами свою дочь, но не нахожу. Я бы хотел хотя бы увидеть её.

Торговец, видимо, навсегда покинул эти места, он сказал, что живёт в другом городе, а дочь либо живет в другом месте, либо настолько изменилась, что я её не узнаю.

Мне безумно одиноко. Я пытаюсь искать утешения в своих цветах и в уродце. Я разговариваю с ними. Иногда болтаю без умолку и не замечаю.

Это помогает, но несильно. Они мне не отвечают и это угнетает.

Я скучаю. Один блуждаю по библиотеке, глажу корешки запылившихся книг, которые никто не читает.

**.*.*.*

Уродцу два года. Он совсем большой. Торговец снова приходил. Всего один раз спустя год, несколько недель назад. Сказал, что не может чаще. Признаюсь, в прошлый раз я погорячился и не принял его, потому что злился. Разговор с ним для меня был глотком свежего воздуха, но этого слишком мало.

Писать не о чем. Я старею в одиночестве, ведь даже спустя год она не дала о себе знать, а кроме неё у меня никого нет. Иногда плачу по ночам от бессилия, совсем точно так же, как и уродец первое время.

Я говорил, что умею ко всему привыкать. Это неправда, я так и не привык к одиночеству.

**.*.*.*

Я решил писать сюда каждый год. Уродец уже выше меня. Он стал таким спокойным и умным.

Торговец не приходил. От дочери нет даже письма.

А я, кажется, привык.

Привык, что стук в дверь – звук фантастический, его не существует. Привык, что каждый раз, перебирая газеты из почтового ящика, я не нахожу писем.

Я привык и уже даже перестал ждать.

Но, знаете, где-то в глубине души я верю, что в следующий раз из газет на меня посмотрит белоснежный уголок конверта.

**.*.*.*

Меня всего раз навестил Торговец. Ничего не изменилось более.

**.*.*.*

Ничего не изменилось.

**.*.*.*

Ничего не изменилось.

**.*.*.*

Ничего не изменилось.

**.*.*.*

Я очень устал. Кажется, я очень сильно постарел. Волосы совсем белые. Я весь изрезан морщинами.

Мне тяжело вставать по утрам.

Я плохо справляюсь с обычными повседневными задача-

ми. Когда я пишу, рука очень мелко трясется. Буквы получаются очень странными.

Мне вновь стало очень одиноко.

Уродец мне помогает. Он молодец. Он хороший.

Только он у меня и остался.

Я всё ещё верю, что кто-нибудь ко мне вернется. Кто-то вспомнит обо мне.

Каждую ночь я засыпаю с мыслью: «Пожалуйста, приди ко мне завтра. Я всё еще жду тебя и очень люблю. Пожалуйста».

Но никто не стучит. Надеюсь, завтра. Хочу верить в завтра.»

Я плакала, когда дочитывала оставшиеся странички. Это были самые последние его слова. Что случилось потом? В записях дедушки не было ни слова о том, что он не хочет меня видеть. Он даже не знал, что я существую.

Я посчитала, сколько было записей с тех пор, как мама ушла от отца.

Восемь лет. Он ждал её восемь лет, и...

Он дождался? Мама ничего не рассказывала мне об этом.

Я хотела вскочить с постели и побежать выяснять к ней, но было уже позднее время.

Я постаралась заснуть, но ещё очень долго лежала без сна.

Утром мы встретились за завтраком. Она снова молчала. Тогда я решила нарушить молчание.

– Что случилось с дедушкой?

Она вздрогнула. Белая фарфоровая кружка задрожала, а

за ней задрожал пар, закрывая мамино лицо.

Когда пар рассеялся, я увидела, что она плачет.

– Я не хотела, чтобы всё так произошло. Я хотела вернуться! Но твой отец!

Мой отец был жестоким человеком, я это знала. До того момента, как мы переехали, мне всё время приходилось наблюдать их ссоры. Крики и бьющаяся посуда, а этажом выше маленькая девочка прижимает к ушам подушку, чтобы ничего не слышать. Но подушка не помогает, звуки просачиваются сквозь неё, ползут к ушам, не дают ей уснуть. А в голове, постоянно повторяясь, крутится только одна мысль: «Хоть бы это закончилось».

Не знаю, что с ним сейчас. Помню, что мама получила письмо. Помню, что плакала всю ночь, а рано утром мы сбежали с очень маленьким чемоданом.

– Что было в том письме? – тихо спросила я. Раньше я не думала об этом. Никогда не вспоминала об этой маленькой детали, а сейчас она неожиданно всплыла у моей голове.

– Откуда ты?.. – она непонимающе уставилась на меня.

– Я помню. Тебе пришло письмо, а потом мы быстро собрали вещи и ушли.

Слезы п, окатились с новой силой. Она больше не смогла ничего сказать, положила передо мной письмо и ушла.

Я поспешила в гостиную и немедленно начала его читать.

«Здравствуйте,

Вы, полагаю, помните меня, я старый знакомый вашего отца. Я продал ему цветы и доверил на попечительство одного малыша.

У меня для вас печальные новости.

Вас давно не было дома.

Он жутко состарился, но, может быть, если бы вы писали ему, это случилось бы гораздо позже. Я нашёл его в постели мёртвым. Не знаю, что с ним случилось. Полагаю, он заболел.

Может быть, его сердце не выдержало, а может, он сильно простудился и никто не смог ему помочь.

Ваш отец был прекрасным человеком. Мне очень жаль, что я не застал его живым. Жаль, что я последнее время не имел возможности зайти к нему, и в целом, навещал его не так часто, как это было нужно.

На столе я оставлю дневник, который он писал все эти годы. Рядом с ним лежит завещание – он оставил вам дом и одно дело.

В подвале на цепи сидит уродец. Я оставил его там, чтобы он не сбежал. Цветы там же.

Как только вы появитесь на горизонте, я покину этот дом. На тот случай, если вам понадобится моя помощь, я оставлю через время письмо со своим адресом.

Всего вам хорошего».

Я отложила письмо. В голове сразу стало как-то пусто.

После прочтения я ещё долго сидела в кресле в гостиной и, опять же, смотрела, как горят поленья. Встала я только когда они потухли. Мама не появлялась. Мы не обедали. Вроде бы, она заперлась у себя в комнате и не выходила.

Мы больше не виделись в этот день. Я ушла к себе в комнату, думая, что все-таки как хорошо, что сегодня мне не нужно идти в подвал. Видеть уродливое существо, разрушившее семью моего дедушки, я была не готова.

Оцепенение спало лишь только я положила голову на подушку. Слабость ушла, уступив место энергии. Пустота была донельзя заполнена моими мыслями. Я начала судорожно думать. Картина начала складываться, недостающие детали нашлись, всё встало на свои места и я впервые осознала это.

Было очень странно, что за месяц я ни разу не увидела его. Он сидел тихо, в каком-то из углов, наблюдал за мной своими маленькими глазками, а я не замечала.

Мама боялась его. Боялась и его, и цветов с тех самых пор, как увидела их. Будь у неё выбор, она пожелала бы никогда не знать, что они существуют. Помимо этого, она думала, что он растерзает её, как причину смерти дедушки. Сидел ли он также тихо, когда она приходила к нему?

Всю ночь я не смыкала глаз. Ворочалась и прислушивалась, а потом замирала и глубоко падала в свои мысли. В эту ночь никто не плакал внизу.

Утром рано я встала и тихо вышла из дома, чтобы мама не услышала и не проснулась. Прежде чем подняться в город, я

навестила могилу деда. Это было единственное место вокруг пруда, очищенное от снега. Ничего особенного и примечательного, просто камень в земле, на котором нет даже имени.

Мне повезло с погодой, она не была ужасно холодной, как обычно. К тому времени, как я доберусь до города, рынок уже откроется. Не знаю точно, что я собиралась делать, кого искать и что говорить, если найду, но знала, что мне нужно туда. Наверное, мне хотелось просто пройтись по местам, где дедушка коротал свои оставшиеся деньки в поисках моей матери.

Городок, в котором я жила первые бессознательные года своей жизни, был очень маленьким. Думаю, его можно было бы обойти весь за полдня. Мне никогда не доводилось это проверять. Школа, в которую я ходила, находилась как раз на краю, ближе всего к долине. О ней у меня не самые приятные воспоминания, сверстники беспричинно не любили меня, называли странной и часто кидали в меня бумажками. Но, так как я была любимицей учителя, издевки быстро прекратились. Из-за нахлынувших неприятных воспоминаний, я обошла школу стороной и молилась, чтобы никто из моих бывших одноклассников не попался мне на пути. Я часто их видела, когда была с мамой, но видя меня с ней они не смели подходить. Что они будут делать, увидев меня без защиты, я не знала и не хотела проверять.

Когда я пришла, город был ещё пуст. Раннее утро выходного дня, канун Рождества, все сидят дома среди родных или

же все ещё спят. Привыкшая к пустоте и тишине, я больше любила именно такой город. Рынок был открыт, но в этот день там было не так много торговцев. Многие ещё не пришли, а некоторые, вероятно, вовсе и не собирались придти.

Будь я маленькой, я бы сказала, что рынок просто огромный. Я никогда не была тут раньше, мама старалась его избегать. Утром она отправляла меня в школу с нашей соседкой, которая шла на работу, днем приходила за мной сама.

Я блуждала среди пустых лавочек, заглядывала в узкие переулки, останавливалась перед кошками и котами. Рынок не стал менее пустым, однако мне удалось купить книгу со сказками, огромный кусок баранины и старое платье, которое было в несколько раз больше моего размера. Я знала, где все эти вещи мне пригодятся.

Рынок был небольшим, но ходила я по нему очень долго. И уже когда я собиралась уходить, я заметила его.

Высокую фигуру в закрывающей лицо повязке. Я понаблюдала за ним издали, и, как только он разложил весь свой товар, направилась напрямик к нему.

– Здравствуйте! – радостно воскликнула я. Немного посмотрела вокруг, а потом спросила:

– Что у нас на сегодня? – я задавала вопрос даже не глядя на товар.

– Как обычно, – поспешно ответил он.

– То есть, вы хотели сказать, необычно? – наконец я опу-

стила глаза. Одежда, посуда, книги. Почти то же самое, что и у всех. Предметы быта, которыми кто-то пользовался раньше, а теперь продаёт, чтобы жить.

– Нет, обычно. *Теперь обычно.*

Он меня узнал. У нас с дедушкой были очень схожи черты лица. А я всеми силами пыталась показать, что всё знаю.

– Вы будете что-нибудь брать, юная леди? Если нет, то я не собираюсь тратить время на разговоры.

– Очень жаль, – я поджала губы и изобразила глубокое сожаление. – А я хотела пригласить вас на чай. Почему эта корзина?

Он назвал цену и я достала деньги. Уходя, я не попрощалась.

– До скорой встречи, – произнёс он мне в спину, но я даже не обернулась.

На выходе из рынка, моё внимание снова привлекла кошка. Она сидела в коробке, что меня удивило, и совсем не боялась прохожих, когда как все остальные испуганно прятались. Она посмотрела на меня прищуренным голубым глазом, другого у неё не было. Чёрная шерстка лоснилась на солнце, хвост с белым кончиком подскакивал и медленно опускался. Мы посмотрели друг на друга, а потом я перестала быть ей интересна.

Их коробки выглянула маленькая мордочка.

Это была коробка с котятами! И, кажется, у неё остался последний.

Я присела рядом с коробкой, но кошка даже не взглянула на меня. Она закрыла свой прозрачный глаз и поставила морду солнцу, позволяя мне разглядеть многочисленные шрамы.

– Кто же так с тобой? – я потянулась погладить её за ухом, но она отшатнулась, встала и показательно села ко мне спиной. – И ладно!

Котенок тоже не представлял для неё интереса. Похоже, она тоже торговала, вот только чем принимала плату? Маленькая мордочка потянулась ко мне и мяукнула. Он выглядел точно также, как мать, только с двумя глазами.

После смерти Плюшки, я думала, что еще долго не заведу кошку, но как только мокрый нос коснулся моей руки, я позабыла обо всём.

– Маленький мой, идём сюда, – заверещала я и протянула руки, чтобы забрать его. Кошка обернулась, смерила нас холодным взглядом и зашипела. Вмиг очутилась возле меня и цапнула за руку. – Ай! Ты чего?

Она зашипела громче.

– Ты требуешь плату? – поняла я. – Как ты можешь так со своими детьми?

Она прекратила шипеть, лапой прижала к себе котёнка и вздернула подбородок.

– Ладно! – согласилась я. – Жди здесь, не смей никому его отдавать!

Я сбегала к ближайшему прилавку с мясом, попросила от-

резать значительный кусок от уже купленной мною баранины, и вернулась. Кошка одобрительно замурчала при виде мяса даже толкнулась головой в мою ладонь. Маленький пушистый комочек перекочевал в мою корзину и спрятался под плотной тканью платья.

Мать провожала взглядом мою спину. Пройдя несколько шагов, я обернулась, но ни кошки, ни мяса уже не было.

Я пришла домой ближе к вечеру. Лишь только скрипнула входная дверь, я услышала торопливые шаги из гостиной. Прибежала мама, вся в слезах, и крепко обняла меня.

– Малыш! – воскликнула она. – Малыш, зачем ты так со мной! Я думала, что ты никогда не вернёшься, мне было так страшно! Я не находила себе места! Больше не делай так!

Я растерялась, а потом обняла её в ответ.

– Мне пришлось уйти слишком рано, не хотела тебя будить. Всё хорошо, мама, не плачь. Я бы никогда тебя не бросила!

После этих слов она зарыдала.

– Я... Я подумала, что ты злишься на меня. Что ты огорчилась во мне и...

– Тише, тише. Всё в порядке. Ты не виновата ни в чём. Я тебя понимаю. Всё хорошо.

– Я была такой глупой! Я так устала, малыш...

Я прижала её ещё крепче, а потом отвела на кухню. Решила ей ничего не рассказывать про сегодняшнюю встречу.

Котенок незаметно для нас выполз из корзины и прошёл

за нами. Пока я искала успокоительное, он подошел к маме и легонько когтями прошелся по её ноге.

Она вскрикнула.

– Господи! Что за... Ты забрала котёнка с улицы?

– Купила, – я улыбнулась.

– Но зачем?

– Не знаю, – я пожала плечами. Пузырёк с каплями скользнул в руку. – Увидела его и решила забрать. Как-то само получилось. Мне продала его кошка на рынке.

– Кошка?!

– Да, – беспечно ответила я. Насчитала десять капель и протянула маме кружку. – Не отдавала его мне, пока я не принесла ей мяса.

– Фантазёрка, – она усмехнулась. Глаза её не успели высохнуть. Она подняла котёнка к себе и начала гладить его за ухом.

– Тебе лучше лечь поспать.

– Но как же ужин? – она сделала глоток.

– Я сама справлюсь, мама.

– Ты у меня совсем взрослая. Совсем...

Она уставилась прямо перед собой и замолкла. В тишине допила чай, а потом начала клевать носом.

– Давай провожу тебя до комнаты, – сказала я и обняла её за плечи. Она послушно обмякла в моих руках и мы неспешно дошли до её комнаты.

– Совсем взрослая... Малыш... совсем, – всю дорогу бор-

мотала она. Как только голова её оказалась на подушке, она уснула.

Я закрыла дверь снаружи, а ключ засунула ей под дверь. У неё осталась привычка закрываться на ночь.

Вернувшись, я налила две кружки чая и села за стол с ко-
тёнком на коленях.

Гость не заставил себя долго ждать.

Было тихо и темно. Я не зажигала свет, не готовила себе ужин.

Он вышел из гостиной неслышными шагами и я вздрогнула.

– Здравствуй, – сказал он.

– Вас не учили стучаться?

– Не хочу быть замеченным твоей матерью, – он, будто паря по воздуху, опустился за стол. Ни звука.

– Она спит. Её сейчас ничего не может разбудить.

– Я не мог этого знать. Осторожность превыше всего.

– Как вы это сделали?

– Что? – он скинул капюшон, я в темноте разглядела описанную дедушкой картину.

– Проникли сюда незаметно. Вы же очевидно зашли не через дверь.

– Ты так уверена в этом? – он отпил чая.

– Да. Она скрипит так, что слышно даже на третьем этаже.

– Тогда как я, по-твоему, тихо передвигаюсь по доскам?

Может, я умею извлекать звуки?

– Это вряд ли, – возразила я. – Вы просто здесь были и не один раз. Вы знаете, какие доски не скрипят. Знаете, куда нужно наступать. Также вы знаете, что скрип половицы мы спишем на ветер, потому что в нашем доме всегда полно звуков. А ещё у вас кошачья походка и обувь, которая способствует этому.

– Что ж, ты победила. Не знал, что его внучка будет такой сообразительной.

Я пожала плечами, пытаюсь показать безразличие.

– Зачем ты меня нашла?

– Расскажите мне всё. Прошу вас.

– Не могу.

– Я уже знаю такой ответ. И знаю, что вы можете рассказать.

– С чего бы вдруг?

– Иначе вас бы не было снова на этом рынке. В ином случае, вас вообще бы не было среди людей.

– Что же это такое! – он всплеснул руками. – Ничего не скроешь. Неужели я такой прозрачный?

– Вы покидали рынок, потому что вас могли там найти, – начала я. – Теперь же вы спокойно торгуете там. Но торгуете не тем, чем раньше, нынче на лавке у вас лежат обычные бытовые вещи. Значит, вы так и не смогли вернуться. Или не захотели? Вещи ваши, это очевидно, вряд ли вы их украли. Значит, вы прочно обосновались среди нас. Прячете лицо больше по привычке, нежели из-за страха того, что вас

кто-то узнает. Прошло много лет, вряд ли люди, ищущие вас, будут возвращаться на рынок. У вас необычная внешность для нашей местности, поэтому лучше пусть покупатели видят маску. А ещё шрамы. Они привлекают внимание, у людей возникают вопросы. Это так?

Он громко и тяжело вздохнул.

– Да, это так. Кажется, я стал слишком стар, чтобы быть незаметным.

– Почему же? В дом вы пробрались без всяких проблем. Так как же это у вас выходит?

– Ты не поймёшь. Нужно много рассказывать.

– У нас много времени.

– Не скажи. Ты была права, когда сказала, что я здесь прочно обосновался. У меня жена и дети. Дома ждут мужа и отца.

– Ладно. Никто не запрещает быть вам кратким.

– Я не обязан ничего тебе рассказывать. Могу уйти прямо сейчас.

– Что ж, уходите. Только прежде задайте себе вопрос, зачем вы пришли. Вряд ли вы хотели выпить со мной чаю.

Он растерялся. Пока мы разговаривали, я разглядывала его и наблюдала за поведением. Он многим стал отличаться от образа, нарисованного дедушкой. Он стал более человеческим.

На вид ему лет пятьдесят. Глубокие морщины на смуглой коже, седеющие волосы и щетина. Если сравнивать ли-

цо с рисунком, то можно сказать, что он пополнил. Меньше бдительности и больше эмоций. Его сильно изменила жизнь обычного человека, и, конечно же, немалую роль сыграла женщина. Нельзя сказать, что он недоволен своим теперешним положением. Кажется, он хороший и счастливый семьянин.

Торговец молчал.

– Потому что вы должны дедушке, – сказала за него я. – Вы чувствовали вину, но пока были молоды гасили это чувство, а на старости лет, став мягким и сентиментальным, стали ощущать её ещё острее.

– Может, ты тогда всё расскажешь за меня? – усмехнулся он горько. Его задевала «прозрачность». – Откуда ты такая взялась?

– В детстве мне много приходилось быть одной. В тишине меня никто не отвлекал от скуки, поэтому я много наблюда- ла. Много думала. Вышло само собой.

Он с шумом втянул воздух. Тяжело посмотрел на меня, хлебнул из кружки.

– Что именно тебя интересует?

– Откуда вы? – спросила я немедленно.

– Из другого мира, – ответил он.

– Не смешно.

– Ты сказала, что мне никто не запрещает быть кратким. Теперь настала моя очередь тяжело на него смотреть.

– Ладно! – он не выдержал. – Хорошо! Слушай. Зря ты

думаешь, что я шучу, потому что это правда. Я действительно из другого мира. Представь, что...

Он замолчал и уставился в стол. Пытался подобрать слова.

– Представь, что таких мест, как твой город очень много. И они все похожи, но при этом отличаются. Некоторые сильно, некоторые совсем немного, но одинаковых точно нет. Они не пересекаются и существуют отдельно друг от друга. Понимаешь?

Я кивнула.

– Место, откуда я родом, очень похоже на город, в котором ты живёшь. Там те же самые дома, но совершенно другое население. Существа, которые там живут, чем-то похожи на ваших сказочных, но во много раз хуже и страшнее. А люди...

Он замолчал и скинул перчатку.

– Имеют различные способности, – на ней загорелось сильнее пламя и я громко ахнула, зажав ладонью рот. – Большинство из них.

Он сжал кулак, пламя погасло, перчатка вернулась на место.

– Они нам помогают выживать. Мы не могущественны, как может показаться. Просто имеем способности, которые делают нашу жизнь немного легче. Если перенести на ваш мир, то это как клыки для охоты у волков, как перья у птиц, как защитная окраска у насекомых. Понимаешь?

Я снова кивнула.

– И какая способность у вас?

– Преодолевать большие расстояния за необычайно короткий промежуток времени. Я добрался от рынка до твоего дома за три минуты.

– А синий огонь?

– Это всего лишь фокус, – он посмеялся. – Смесь химических веществ. Добавил для пущего впечатления. Осталось от моей работы с того мира, таких порошков нет в вашем.

Я посмеялась вместе с ним. Как бы мне ни хотелось, понять природу фокуса у меня не получилось.

– Людям кажется, что я исчезаю. Проваливаюсь сквозь землю. Но на самом деле их глаз не может уловить моё движение.

– Удивительно, – выдохнула я. – Но как вы оказались в нашем, если они не пересекаются?

– Знал, что ты задашь этот вопрос. Но дело в том, что я и сам не до конца понимаю природу этих путешествий. Когда я был молод, я сильно разогнался, и, оказавшись здесь, в вашем мире, не сразу это заметил. По виду он абсолютно аналогичен. Я понял, что попал в другое место только лишь когда оказался у себя дома и увидел там...

– Других людей? – догадалась я.

– Твоего деда, – закончил он. Я вскинула бровь. – Да, именно его, потому что в своём мире я жил в этом доме.

– Так вот почему вы передвигаетесь здесь бесшумно. И что вы сделали потом?

– Я испугался. Не сразу понял, что твой дед не чужой в нашем доме, а я чужак в его. Чуть было не огрел его табуреткой по голове. Прошло много лет, я все ещё не могу понять, как это произошло.

– Как вы вернулись обратно?

– Я не вернулся, – он поджал губы. – Несколько раз разгонялся, но все также оставался среди вас. Пришлось спрятаться в заброшенном доме на ночь, а потом и вовсе переехать туда жить. Несколько дней я наблюдал за вами, чтобы понять, как устроена ваша жизнь. Впрочем, она несильно отличается от нашей. Потом я решил торговать всем, что у меня с собой было. Дело в том, что я действительно торговец, в моей сумке в тот день лежала большая часть моего товара. С чего ты решила, что я возвращался?

– Из-за цветов. Таких и в помине нет у нас, я предположила, что уходили за необычным товаром в свой мир, чтобы продавать его в нашем. Кстати, о них. Вы сказали, что из-за них вам хотели отрубить голову.

– Действительно хотели, – он кивнул. – Это случилось через неделю после того, как я попал сюда. Всю неделю твой дед что-то у меня покупал. Я отправился на рынок через лес. Не знаю, почему пошёл так, помнится у меня было хорошее настроение и я решил прогуляться. Тогда все очень интересно совпало, потому что прямо на моем пути росли эти цветы. Я был очень удивлён, ведь они не могли оказаться здесь. И до сих пор не знаю, как это произошло. Я предположил,

что ещё смогу вернуться обратно, а потому не мог их оставить там. Они были важны для меня, так как я был обязан передать их человеку, который за них уже заплатил. Поэтому мне пришлось украсть лопату, ящик и мешок из ближайшего дома. Уже когда я перемещал их в ящик вместе с землёй, вышел хозяин вещей. Он поднял крик из-за лопаты, но когда увидел цветы, прямо сорвался с цепи. В тот день он чуть не убил меня. Но самое ужасное было то, что он знал, где меня искать. Несколько раз он крутился вокруг моей лавки, пристально вглядываясь в мои товары, а потом в меня. Видимо, в чем-то подозревал. И я оправдал его ожидания. Я быстро, как только мог, сложил цветы и убежал. А бегать я умею, – он усмехнулся. – Мне очень повезло. Твой дед появился на рынке раньше, чем обычно. Мне пришлось немного соврать ему, я импровизировал, местами не очень удачно, но мне удалось его уговорить забрать цветы. Тот мужчина не застав меня на рынке, устроил невероятное представление. Я наблюдал за ним из безопасного места, спрятался в заброшенной постройке. Он безумно кричал. Пытался всем доказать, что я колдун, но ему никто не поверил. Когда он заговорил про цветы, все смеялись. Его посчитали сумасшедшим. И, судя по всему, так и было, потому что он повернулся на мысли найти меня. Он не успокаивался десять лет, представь себе! Я по-настоящему свёл его с ума! Он был молод, ещё не успел завести детей. Жена ушла от него через год. Мать несколько раз пыталась сдать его врачам. Каждый день он

приходил на рынок. Дома он рисовал, делал безумные записи, вёл какие-то наблюдения. Он думал, что я сам дьявол, поэтому прочитал библию вдоль и поперек, а после уже никогда не выпускал её из рук.

– Откуда вы всё знаете? – я не сдержалась. Он слишком много знал. У меня никак не могло уложиться в голове, откуда.

– Когда я вернулся через 10 лет, я встретил его, как оказалось, друга, который в свою очередь был также моим соседом на рынке, торговал в лавке напротив. Он мне все и рассказал, ведь был единственным человеком, который остался с этим парнем до последнего.

– А что с ним случилось?

– Он начал бредить, странно и непредсказуемо себя вести, словно потерял самого себя. В один зимний вечер он убежал из своего дома с библией в руках в одной рубашке и так и не вернулся. Друг нашёл его мёртвым в сугробе. Мне показали его комнату – все стены были покрыты непонятными рисунками и увешаны в иконах в хаотичном порядке. С этим ничего делать не стали, уж не знаю почему. Похоже, у этого парня никого не было, раз этот дом до сих пор пустует.

– Это кошмарно, – выдавила я. На несколько минут мы замолчали. Он пил чай, я гладила котёнка у себя на коленях. Тишину нарушало его мурчание.

– Наверное, не стоило мне бегать от него. Нужно было познакомиться с ним и объяснить, что я абсолютно нормален.

– Нет, – возразила я. – Он был сумасшедшим и прежде. И он уже увидел цветы. Так сложилось, ничего нельзя было сделать.

Он пожал плечами.

– Мне жаль.

И мы снова умолкли. Я не знала о чем думать. О грустной ли истории деревенского парня, о том, что я видела эти иконы и рисунки, когда бродила по домам призракам или о том, откуда к нам пришёл торговец и почему он смог это сделать. Природу других миров, которые сильно похожи на наши, мне было трудно понять. Я нигде об этом не читала, ничего об этом не слышала, а потом не могла представить ничего подобного. Всё в голове смешалось, тишина начала давить.

– Откуда вы знали про наш мир? – решила я. На языке вертелось ещё много вопросов.

– Я не знал, пока не оказался здесь. А потом мне пришлось прочесть очень много литературы и она во многом совпала с моими догадками. Я хотел узнать, как я здесь оказался, но нашёл все, кроме нужного. Да и мне уже не особо это интересно.

– Ладно. Но если наши миры похожи, то вы должны быть и здесь?

– Возможно, – он пожал плечами. – Я мало об этом думал и не искал себя. Может быть, в этом мире я умер ещё во младенчестве. Миры хоть и похожи, но совсем не зависят

друг от друга.

– А почему вы решили не рассказывать ничего дедушке?

Он снова пожал плечами.

– Наверное, потому что ещё сам ничего не знал. Он бы посчитал меня безумцем.

– Это вряд ли, – я почему-то улыбнулась. – После цветов и уродца он поверил бы во что угодно.

Я запнулась.

– Уродец. Откуда вы его взяли?

– Уродец, – он улыбнулся. – Так вы его называете? Что ж, после того, как за моей головой начали охоту, я перебрался на рынок в соседний город. Это был обычный день, я пришёл раньше. Ничего не предвещало беды, я раскладывал свои вещи и услышал плач. Он доносился из глубины пустого прилавка напротив. Мне приходилось часто слышать рыдания детей, они не должны были меня удивить, но почему-то я решил заглянуть под лавку. Наверное, из-за того, что тогда рынок ещё был пуст. И я увидел его. Он не должен был быть здесь, как и цветы, как и я, но он оказался и с ним нужно было что-то делать. Я очень долго думал, куда мне его деть. Помнится, стоял тогда в небольшом лесу за городом, держал у его лба ружье, да так и не смог нажать на курок. Малыш вцепился в меня мёртвой хваткой и не отпускал. Он ждал от меня защиты. Жался ко мне, как бездомный щенок. И я...

Торговец уставился перед собой, явно ослепленный воспоминанием. После короткой заминки тихо произнёс:

– У меня не получилось. И я понял, куда мне нужно идти.

– К моему деду, – прошептала я. – Чтобы разрушить его жизнь и сделать его одиноким.

– Послушай, я не хотел этого! – он повысил голос.

– Я знаю. Так получилось. Так просто вышло.

– Мне жаль, – нервно кинул он. – Я не знаю, как он попал сюда. В книгах, которые я читал, тоже нет однозначного ответа на этот вопрос. Придерживаюсь теории о том, что это своеобразные трещины между мирами.

– Покрытая трещинами ваза обязательно когда-нибудь лопнет, – сказала я. Так мне сказала мама, когда мы выкидывали мою любимую вазу. – Это повторялось?

– Ваза лопнет, но эти трещины подобны трещинам на теле – когда-нибудь они затянутся. Может быть и повторялось, больше я не застал. Что-то я засиделся. Жена начнёт беспокоиться.

– Хорошо. Расскажите конец этой истории.

– После смерти сумасшедшего я вернулся в свой город с намерением закрыть там торговлю. На сборы ушёл месяц, как раз растаял снег, началась весна. И как только я обосновался здесь, я сразу же направился к нему, чтобы сообщить о своём возвращении. Ты знаешь, я навещал его раз несколько раз. Больше не мог. Путешествие от города к городу отнимает много сил и времени. Я опоздал совсем немного, буквально на день, может даже наполовину. Меня встретил освирепевший уродец и чуть не растерзал меня, – он откатал пра-

вый рукав и показал мне огромный шрам от укуса. Внутри меня все похолодело. К этому существу каждый вечер восемнадцать лет ходила моя мама. Это существо я не замечала почти два месяца. И все это время оно было так рядом. – Но сделал он это, потому что не узнал меня от горя. После он вёл себя спокойно, только много плакал, как в детстве. Они кажутся чудовищами, в то время как на самом деле они очень ранимы. Помнится, свернулся клубочком у кресла, на котором я сидел, и положил голову мне на колени. Я похоронил твоего деда, а после несколько дней жил в этом доме, не зная, что делать дальше. Вдоль и поперёк прочитал его дневник. Поначалу хотел остаться жить здесь, но после нашёл его завещание и понял, что нужно делать. Я несколько дней потратил для того, чтобы найти твою мать. Написал ей письмо, слегка грубое, о чем теперь жалею. Я тогда был разбит, ведь привязался к нему, и немного на неё зол. Уродца я посадил на цепь в подвале на время, что дом будет пустовать, чтобы он не сбежал и не отправился за мной. А потом, полагаю, ты знаешь, что было. Кстати, где он? Думаю, если старик жив, то был бы рад меня видеть.

Торговец, будто бы ожидая увидеть его спящим где-то на полу, оглядел комнату.

– То есть он не опасен? – тихо спросила я.

– Что? Конечно, нет. Почему ты спрашиваешь? Разве не?..

Мне показалось, что он побледнел.

– Где он?

– В подвале. Я...

– Ты хочешь сказать, что он не покидал подвала с тех пор, как я его там оставил? – Торговец почему-то заговорил тише. Голос его стал жёстким.

– Я не знаю, – ответила я. – Я узнала, что он существует только несколько дней назад. Хожу в подвал уже несколько месяцев, но ни разу его там не видела.

– Должно быть, он мёртв?

– Я не знаю, – повторила я. – Если он и жив, то явно не даёт о себе знать.

– Нет. Не может быть. Если он жив, то вам грозит опасность, – он откинулся на спинку стула и закрыл лицо руками. – Мне стоило пристрелить его тогда. Твоя мать явно не собиралась с ним возиться, это было очевидно.

– Почему? – мой голос снизился до шёпота.

– Почему? – повторил он слегка с натиском. – Кто угодно озверееет, если его держать на цепи 15 лет! Надейся на то, что он мёртв. Скорее всего теперь он живёт только мстью.

– И что делать? Если он действительно зол, мы не одолеем его, но и оставлять в подвале его было бы глупо.

Он потёр подбородок в задумчивости.

– Я приду завтра. С ружьём. Он на цепи, так что это не составит труда. Не думаю, что он настолько силен в своём возрасте, чтобы её порвать. А даже если нет, то и дверь он выбить не сможет. Она слишком крепкая, а он слишком слаб.

– Пока он там, мы в безопасности?

– Да, – твёрдо ответил он. Перевёл взгляд на часы и вскинул брови: – Я слишком задержался. Увидимся завтра.

Я находилась в замешательстве. Как так, думала я, просто взять и пристрелить? Это не укладывалось у меня в голове.

– До завтра, – проговорила я.

– И последнее: можешь даже не пытаться, – он кивнул на корзину. – Вероятность того, что он всё ещё в здравом рас-судке и большую часть просто спит от старости есть, но она слишком мала. Это может быть опасно.

Громко, как и всегда, скрипнула входная дверь. Он ушёл.

ГЛАВА 4

Треск поленьев меня успокаивает. Я могу часами сидеть перед камином и смотреть на танец пламени. Пляска огненных языков сковывает моё внимание и все вокруг перестаёт существовать.

На часах три часа ночи. Меня со всех сторон облепил су-мрак, но вместо обычного чувства тревоги, которое настаига-ет меня в темноте, я чувствую умиротворение. А потому я беру ещё одно полено и бросаю его в огонь, чтобы предмет моего успокоения горел ещё как можно дольше.

В доме тихо. Иногда слышно ветер и скрип дверей, сги-бающихся от его напора. Обычно я, погруженная глубоко в себя, не замечаю их.

Но сейчас в тишине я слышу осторожные шаги. Она не обнаружила меня в постели и отправилась в гостиную, зная,

что найдёт меня здесь.

В помещении становится немного светлее: она заходит, неся перед собой фонарь.

– Не спится? – спрашивает она тихо. Я не отвечаю. Садится напротив, сонная и взлохмаченная, и тоже смотрит на камин. Я смотрю на неё и думаю, каких усилий ей стоило подняться с кровати. Медленно моргает, трёт глаза и зевает. Кажется, что она в любой момент готова провалиться в сон.

Мы ещё молчим некоторое время, прежде чем я отвечаю ей:

– Не хочу ложиться спать.

– Кошмары?

– Да. Знаю, что этот день снова ждёт меня во сне.

Печально вздыхает, откидывается на спинку кресла и закрывает глаза. Ей всегда плохо вместе со мной, по большей части от того, что она ничем не может мне помочь.

– Тебе нужно поспать, – говорит тихо.

– Я не хочу переживать это снова. Когда они меня уже отпустят? Это невыносимо.

Она слабо пожимает плечами и, кажется, начинает дремать.

– Нужно сделать что-то. Просто так они тебя не отпустят.

– Я не знаю, – устало кладу голову на ладонь и тоже прикрываю глаза.

Мы умолкаем и медленно засыпаем в тишине, как вдруг она подскакивает на месте.

– Помнишь, что говорил торговец? – она заглядывает мне в лицо и я вижу, как в её слипающихся глазах вспыхивает огонёк. Этот огонёк вывел меня из глухого мрачного леса, взрослого на моем горе.

– Когда стреляешь из лука важно держать спину, а твоя стареющая осанка уже никуда не годится! – произношу я низким голосом с брюзгливой интонацией. Она начинает смеяться и падает обратно в кресло. Я продолжаю: – Эти негодяи дорогу домой забыли? Не вижу их совсем. Одни вы меня и навещаете!

– Ну хватит! – задыхаясь от хохота, требует она. – Между прочим, это грустно. Мы с тобой тоже давно их не видели.

– Ладно-ладно! Что он говорил?

От сна не осталось и следа, она подскочила к моему креслу и схватила меня за плечи.

– Он говорил, что есть тысячи других миров и многие друг на друга похожи. Представь, что каждый раз тебе снится один из тех, что не отличим от нашего! – она уже сияет от того, что придумала, и мне кажется, что в комнате стало совсем светло.

– Зачем? – я непонимающе смотрю на неё снизу вверх.

– Ты ещё не поняла?

Я отрицательно мотаю головой.

– Ты видела этот сон уже сотни раз, неужели ты ещё ни разу не пыталась что-то изменить? Ты помнишь его до мелочей и всегда знаешь, что будет дальше. И ты ни разу, зная

все это, не пыталась повлиять на ход событий?

– Нет, – ответила я и задумалась. – Что это изменит? Я проснусь, и все останется так же.

– Нет, а ты представь, что где-то в соседнем мире живёт такая же девочка, как ты в восемнадцать лет. Скоро наступит злополучный день в её жизни, который перевернёт всё с ног на голову, и этот день приснится тебе. Представь, что ты можешь её спасти и сделать счастливой другую себя.

– Но я и так счастлива, – шепчу я.

– Теперь ты счастлива. Но ты живёшь тем днём из года в год, из-за того, что ничего не смогла сделать. Постоянно возвращаешься в него, но для чего? – она садится, обвивая мои колени руками. – Чтобы что-то изменить!

Я опускаю взгляд вниз, не зная, что ей ответить. Она притягивает меня к себе и крепко обнимает.

– Ложись спать и спаси её, – шепчет мне на ухо, гладит затылок. – Сделай так, чтобы хоть где-нибудь восемнадцатилетняя ты была счастливой.

Я закрываю глаза и из-под ресниц катятся непрошеные тихие слезы. Я с удивлением стираю их и смотрю на мокрые ладони.

– Всё будет хорошо. Ты справишься.

Она ещё раз крепко обнимает меня, поднимается и собирается уходить.

– До утра.

Шаги удаляются, слышу скрип закрывающейся в спальне

двери, и меня вновь обволакивает тишина. Я вновь обращаюсь взглядом к огню, но он больше не помогает, и в голову назойливо лезут воспоминания, восстанавливая события того злополучного дня.

Это был следующий день после того, как меня посетил торговец. Тем утром я не вышла из комнаты. Тяжесть того, что пришлось узнать, придавила меня и я не смогла встать с кровати. Мама пару раз стучалась, просила выйти, но я, не поднимаясь с постели, говорила ей, что плохо себя чувствую. Это было отчасти правдой – в голове было так много мыслей, что я не могла поднять её с подушки. Котёнок играл с моими локонами, прыгая по подушке, прихлопывая их коготками. Когда ему надоедало, он убегал к ладоням, которыми я перебирала ткань наволочки, и начинал кусать пальцы. Кажется, там выступали капельки крови из-за глубоких царапок и укусов, но я не обращала внимания. Потом он начинал играть с лучиками солнца, которые пробивались сквозь шторы, но я была так глубоко внутри себя, что не замечала шум.

Не помню, сколько прошло времени, в жизнь меня вернула мама, открывшая дверь.

– Малыш, он царапается в дверь уже десять минут, – сказала она и подхватила его на руки. – Долго еще лежать будешь? Я собираюсь обедать.

– Обедай, – тихо ответила я.

– Что с тобой, малыш? – она подошла и положила ладонь мне на лоб. – Ты простудилась? Лоб холодный. Как у тебя

тут душно!

Она отворила окно, но не закрыла дверь, потянулся сквозняк. Мне не хотелось даже укрываться, но по телу прошла дрожь.

– Я думаю, – ответила я спустя время. – Очень много думаю, мама.

– Какая же ты у меня чудачка, малыш, – она потрепала меня по макушке. – Хорошо. Жду тебя в любое время, если вдруг захочешь спуститься.

Мама вышла и закрыла за собой дверь. Я закрыла глаза, кровать вновь ушла из-под меня, и я провалилась в сон.

Меня разбудил стук в дверь.

– Малыш, время ужинать.

Я открыла глаза. Темно. Постель очень холодная. Никто так и не закрыл окно. Почему-то вспомнилось, что так и не дала котёнку имя.

Спала весь день, а сил так и не прибавилось.

– Я не голодна, – ответила я и не соврала.

– Не может такого быть! Ты не выходила из комнаты целый день, чем ты питалась? Пылью? Солнцем? Мышами?

Я вздрогнула от упоминания мышей. Медленно начала подниматься. Аккуратно на локти, потом на ладони. Мама, не дожидаясь, заходит.

– Только не говори мне, что ты встала в первый раз за день.

Я молча смотрела вниз. Спустила ноги, вдела их в тапки.

– Холодно.

– О господи, ты даже не закрыла окно! Да что с тобой такое!

Она поспешно подбежала к окну, закрыла его.

– Ты всё ещё обижена на меня?

– Я слишком много узнала, – ответила я, выходя из комнаты. – И мне нужно было много времени, чтобы всё обдумать. А на это нужно много сил. Очень много сил...

– Но ты ничего не ела со вчерашнего дня! – воскликнула она. – А ну быстро ужинать!

Подхватила меня за плечи и увела на кухню. Не помню, как я всё съела, помню только, что встала из-за стола и побрела к корзине с мясом и платьем.

– Ты в подвал? – бросила мама мне в спину. Я кивнула. – В ночной сорочке?

Я снова кивнула. Подняла с пола корзину, которую никто не трогал со вчерашнего дня, и побрела вниз. Котёнок выскочил из угла и начал кусать меня на ноги. Я не остановилась и он отцепился.

«Он на цепи». Раз ступенька. Спускалась медленно, нерешительно.

«Я просто посмотрю и вернусь». Два ступенька.

«Вдруг, ему понравится платье и мясо? Вдруг, он будет рад?». Три ступенька.

«Он на цепи». Четыре ступенька.

Фонарь всегда стоял перед самым спуском. Я почти не

глядя зажгла его и открыла дверь.

– Эй, – сказала я и осветила всё вокруг. – Привет! Я принесла тебе мяса. И платье! Смотри!

Я нерешительно стояла на пороге, готовая в любой момент захлопнуть дверь и убежать. Фонарь мелко дрожал в руке.

– Ты слышишь меня?

Лёгкий шорох, сердце пропустило удар. В углу подвала, в полутьме появилась круглая голова. И без того уродливая, изрезанная морщинами, облепленная резкими тенями, она кажется еще более жуткой.

– П-привет, – повторила я. Голова от испуга начала плохо работать. Он смотрел и не двигался. – Я бы хотела подружиться с тобой.

Тишина.

Ещё некоторое время мы смотрели друг на друга. Я стояла неподвижно и напряжённо, готовая в любой момент захлопнуть дверь и убежать. Он до жути напоминал мне хищника, готового к прыжку.

Но вот он моргнул. Рот существа открылся, оголяя острые зубы. Я вздрогнула, но то был всего лишь зевок – уродец с шумом втянул воздух, качнул головой и та скрылась в темноте. Он ушёл спать дальше.

– Прости, что разбудила, – шепчу я. – Я постараюсь быть тише. Оставлю корзину с мясом и платьем возле тебя, на тот случай, если ты проснёшься и захочешь есть.

Он не опасен, подумала я тогда. Он всего лишь старый зверь, который предпочитает спать. Быть может, нам и не придётся его убивать? Мне хотелось очень в это верить.

Я аккуратно, почти на цыпочках, подошла к провалу в полу, благодаря которому долгое время не замечала уродца. Ни звука, ни шороха, только тихое сопение. Корзинка почти без звука опустилась на цементный пол.

В задумчивости я проделала свою работу. Представляла, как придёт торговец, как буду объяснять маме, почему он пришёл. Думала о том, как они будут разговаривать, что они друг другу скажут и что скажу ей я. Находясь в этих мыслях я поливала цветы, топила огонь почти этого не осознавая.

– Не думала, что так утомлюсь, – прошептала я цветам с улыбкой. Они радостно на меня смотрели.

Я обернулась и, не повышая голоса, спросила:

– Эй? Ты спишь?

Никакой реакции не последовало.

– Спишь, – заключила я и уже собиралась уходить, но взгляд зацепился за перевернутую корзинку. Из нее некрасиво торчало платье, а мяса внутри уже не было. Я нахмурилась. – Мог бы поблагодарить хотя бы.

Все так же, аккуратно едва слышным шагом, двигаюсь к уродцу, освещая путь перед собой. Он не вел себя агрессивно, но делать резкие необдуманные движения я все ещё боюсь.

Шаг, ещё шаг, тёплый свет осветил провал.

В нем пусто.

Цепи порваны.

Почувствовала, как сердце остановилось ненадолго, а после начинает стучать с такой силой, что у меня потемнело в глазах и подкосились ноги.

В панике я побежала к двери, по пути срывая с шеи ключ, но лишь только ладонь коснулась двери, она открылась.

Мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание. Единственное слово, которое держало меня на ногах – мама.

Я схватилась за голову. Мама! Там же мама! Боже, лишь бы он не добрался до неё!

И я бежала, бежала сломя голову, не помня себя. Не видела куда бежать, только лишь помнила, трогала стены, чтобы не заблудиться и бежала, бежала, бежала...

– Мама! – закричала, что есть мочи.

Мама испуганно вскочила с кресла, посмотрела на меня, потрепанную в сорочке, с безумными глазами. Я почти уже плакала.

– Что случилось, малыш? Что такое? Ты вся дрожишь.

– Мама, давай уйдем. Одевайся скорее. Нам нужно уйти, мама, пожалуйста, давай...

– Тише, тише, малыш, – обняла.

– Нет, мам, не время, – оттолкнула её. – Я в порядке.

Она не поверила мне, потому что я дрожала, а глаза мокрые, слезы льют по щекам.

– Он сбежал.

Она замерла. Лицо вмиг стало белым, и я подумала тогда, что встань мама у белой стены, я бы её не заметила. В трудных ситуациях мне в голову приходили необычайно глупые мысли.

– Он где-то в доме. Ходит. Он... Мама, пойдём одеваться скорее. Пожалуйста. Прямо сейчас.

– Не может быть, – прошептала. – Он же сидел на цепи.

– Он давно её разорвал, – шептала в ответ. – Он ждал подходящего момента и сегодня я...

– Забыла закрыть дверь, – заканчивает она за меня и глаза у неё расширяются. Она сорвалась с места и побежала, увлекая меня за собой. Но я почему-то остановилась, её рука выскользнула с моего плеча, а она бежала дальше. Я глупо смотрела ей вслед, наблюдала, как она сворачивает за угол. Слушала, как громко топает по лестнице наверх, поднимается, а потом оглушительно кричит.

Я дернулась и помчалась к ней. Если там был уродец, то я еще точно не знала, что собиралась делать, потому что я вряд ли бы смогла его одолеть. Но я снова бегу, снова ни о чем не думая.

Быстро оказалась рядом с ней, она опиралась на стенку и дрожала. Я посветила фонарем вперед и закричала.

На полу перед нами лежал растерзанный котёнок. Не съеденный целиком, лишь слегка потрепанный. Зажала рот рукой, чтобы не крикнуть еще раз. Взяла маму под руку и увела в комнату. Потом быстро, как только позволяют дрожащие

ноги, закрылась в своей.

Мне страшно.

Мысленно я возвратилась в детство, когда каждый шорох казался мне чьим-то шагом.

«Скрип-скрип», – скрипят половицы в коридоре. Я положила голову на холодный пол, покрытый пылью, и пыталась увидеть что-нибудь через маленькую щелку между дверью и полом. Поставила фонарь рядом, чтобы видеть. Прекратила дышать.

Он там. Стоял за дверью, ждал, пока я выйду.

Детская игра. Я в домике, меня не достать. Но лишь только я выйду... Мы часто играли в эту игру с мамой в детстве.

«Скряб-скряб», – заскребли когти по деревянной двери. Выходи.

В соседней комнате громко заплакала мама.

Я вздрогнула и медленно поднялась. Решила, что не нужно делать резких движений. Мама не подумала также.

Я оцепенела. Всё происходящее воспринималось будто бы через мёд. Липкое и медленное. Хотелось вымыть руки. Но всё, что я могла, это неподвижно стоять у закрытой двери и слушать. Внимательно всё слушать, даже если этого не хочу. Как в том далеком детстве, когда подушка не спасала от ссор отца и мамы.

Послышались шаги. Грузные медленные шаги по скрипучему полу. В соседней комнате мама металась из угла в угол, быстро собирая вещи. Я была готова поклясться, что соби-

рает она их маленький чемодан, а попутно обматывает шею красным шарфом.

Мама мечется и рыдает, в то время как грузные громкие шаги не прекращаются. И я поняла, что он идет в её комнату. Неспешно крадется, правильно полагая, что она его не слышит.

А я слышала всё.

Осознание того, что мне нужно что-нибудь предпринять пришло слишком поздно. А потому я не успела прокричать маме, чтобы она ни в коем случае не выходила наружу. Мне не удалось донести ей, что скоро придет помощь.

Она собрала свой маленький чемоданчик, быстро и нелепо обвязала шарф и выскочила из комнаты. А прямо за дверью её ждал он, тихо и покорно, как старый верный пёс.

Я вылетела из своей сразу же после неё, но не успела.

Раздался душераздирающий визг. Этот визг будет будить меня посреди ночи в кошмарах. Я буду слышать его во всех скрипучих дверях. Он будет напоминать мне о том, что во всем виновата я.

Грузная огромная фигура закрывала весь коридор, не позволяла теплomu свету из гостиной просочиться ко мне. Я вновь оцепенела.

Я осветила его тощую уродливую спину и поняла – мама никогда его не кормила. Сознание вопило, оно просило помощи, но никто не мог помочь, а потому оно отвлекалось на глупые мысли.

Торчащие ребра, обтянутые тонкой серой кожей, – я помню эту картину до мельчайших подробностей и до сих пор, – взмах когтистой лапы и короткий вскрик. Мама падает.

Я, непомня себя, роняю лампу на пол и кидаюсь на него. Колочу руками по спине в истерике. Единственная моя мысль в моем затуманненном мозгу – пусть он убьёт меня, пусть меня, а не маму! Но я не знала, что уже поздно.

Он хотел продолжить, но я его отвлекла. Уродец резко развернулся и отшвырнул меня. Прежде, чем нанести удар, он остановился и посмотрел в моё лицо. Я посмотрела в ответ, и, клянусь, в его маленьких глазах-бусинках стояли слёзы.

Резкое быстрое движение, острая боль в бедре, и темнота. Всю оставшуюся ночь я провела в ней, в кромешной темноте, тягучей, обволакивающей и глухой, но в то же время пустой. Там не было ничего, ни мыслей, ни чувств, ни эмоций, ни времени. Сейчас сомневаюсь, была ли в этой темноте я? Я не помню.

Я помню, что после раздался голос. Сначала очень тихо и приглушенно, а потом все яснее и громче.

– Пора вставать, – разобрала я и ощутила прикосновение. Меня трясли за плечо. Вместе с этим вернулось и все остальное. Вынырнула, и на меня разом накатили события ночи, прибили невероятной тяжестью к дивану. – Просыпайся.

Я открыла глаза.

– Я раскопал могилу. Подумал, ты хотела бы с ней попро-

щаться.

С секунду я смотрела на лицо торговца, слегка испачканное в грязи, на две мокрые насквозь косы, с которых капала вода, а потом зарыдала. Ничего не говоря более он ушёл на кухню.

Вернулся с кружкой воды и напоил меня. Доза успокоительного там была львиная, ведь истерика быстро сошла на нет. Через несколько лет он признался, что то было лекарство из его мира.

– Не может быть, – прошептала я. – Я же спасла её. Я отвлекла его на себя.

– Слишком поздно, – сказал он и мы надолго замолчали. Слезы полились, но я не заметила.

Торговец не торопил меня.

За окном валил безмятежный мягкий снег. Крупные хлопья таяли на стекле окна, стекали капельками вниз, и я, не отрываясь, смотрела на этот процесс. Снег будто бы дразнил меня, напоминал лучшие моменты моей жизни, подкидывал воспоминания с мамой и снеговиками.

– Где она?

– У ямы. Рядом с отцом, – он тоже смотрел на снегопад. Сидел в мамином кресле, прямой, как струна, и необычайно спокойный. Непроницаемый, точь в точь такой, как его описывал дедушка.

– Я пойду, – сказала я. Тихо и слабо, но твёрдо.

– У тебя ранена нога. Сильно. Мне пришлось зашивать.

Я отвлеклась от окна, скинула одеяло и оттянула сорочку.

– Уродливо, – сказала я и слезы покатались вновь. В этот день мои глаза так и не высохли.

Я хромала и торговец постоянно подставлял мне руку, но я упрямо её игнорировала. Короткими шагами разбивала сугробы, чувствуя, как снег сыпется в обувь, как комочки тают на тёплой коже, но не обращала внимания. Мне было все равно.

Мне было все равно, что штаны мои промокли до нитки, когда я обнимала её холодное тело, что ноги начинают коченеть, а ладоней я уже не чувствую. После осознания смерти самого близкого на этом свете человека во мне что-то выключилось. Что-то важное, что позволяло мне жить полноценно. Я перестала заботиться о себе.

Голос в голове говорил: «Тебе больше никто никогда не скажет «малыш». Никто не будет одергивать занавески в твоей комнате. Никто не сделает тебе самый вкусный чай. Никто не обнимет так, как это умела делать она, никто не погладит по голове. Ты одна». И я плакала от этих слов, которые проносила сама же.

Она была завернута в плед, таков был её гроб. Через время я поставлю над могилой безликий камень, самый обычный, серый и шершавый, на нем не будет ни имени, ни дат. Точно такой же, как у дедушки, но я никогда не перепутаю их.

Торговец молчаливо ждал.

Неторопливо падал снег. Не знаю, сколько времени мы

провели у ямы, сколько я лежала в снегу, прижимая к себе маму, но мне до сих пор кажется, что этого было недостаточно, чтобы с ней попрощаться. Мне всегда будет её не хватать, а снежная погода, в которую мы её хоронили, будет вызывать чувство тоски. Я помогла торговцу спустить её вниз, а после, рыдая, смотрела, как пестрая ткань пледа покрывается комьями земли.

Никто не произнёс прощальной речи. Торговцу нечего было сказать, а я была не в состоянии. Когда снег растает, я буду часто приходить и говорить вслух, сидя рядом с её могилой. Буду рассказывать, как живу и как по ней скучаю. Гладить земляной бугор, обросший сорняками, смотреть перед собой и говорить без умолку.

Лишь только мы вернулись с улицы, я рухнула прямо на пороге, не снимая с себя ни верхней одежды, ни обуви. Торговец заботливо поднял меня на руки и отнёс обратно на диван.

– Я сожалею о случившемся, – сказал он. Я ему ничего не ответила.

Мы провели в молчании еще долго. Он ушёл на кухню, я осталась сидеть сломленной фигуркой, на диван стекала вода.

– У тебя есть хоть кто-то? – спросил Торговец, протягивая мне ещё одну кружку чая. Я помотала головой. – Как же твой отец?

– Нет, – ответила я. Мне не хотелось говорить. Мне не хо-

телось объяснять, что я ни за что не пойду к человеку, которого я ненавижу всей душой. – Он спился.

Больше я не сказала ни слова в тот день. Он говорил со мной, предлагал что-то, спрашивал, но я пропускала его слова мимо ушей.

Тогда он поднял меня на руки, так как ходить сама я была не в состоянии, и отнес в мою комнату. Посадил на кровать и сказал:

– Собирай вещи. Поживешь у нас, пока не восстановишься.

Я не стала возражать. Мне было всё равно. Я бы промолчала, даже если бы он сказал, что собирается пристрелить меня.

Что было в ту ночь я помню настолько хорошо, будто бы это случилось вчера. Событие въелось в мою память, внедрилось противным ядовитым червяком, отравляющим мою голову, питающимся мной. И сколько бы я не старалась, сколько бы времени не прошло, у меня не удавалось забыть ни минуты произошедшего. После случившегося я еще много раз переживала этот момент. Он снился мне в кошмарах, он оживал в темных коридорах дома, и я забывалась, я вновь видела свою маму, торговца, несущегося с ружьем в руках, уже нисколько не бесшумного, вновь совсем близко к лицу появлялся безобразный лик уродца, после чего я вскрикивала и пробуждалась.

Торговец по-настоящему помог мне. Я жила в его неболь-

шом домике, вдали от пропитанного воспоминаниями родного дома. Думаю, останься я одна там, то не выдержала бы тяжести и повисла на люстре.

У торговца была очень милая жена. Она ничегошеньки о нём не знала. Ни откуда он родом, ни о его прошлом, ни о его способности. Почему он меня знает, ему пришлось выдумывать почти на ходу, но скелет истории остался тем же: он должен моему дедушке, а у меня никого не осталось.

Горе мало что помогало мне наблюдать, но мне удалось заметить, как хорошо у него получается играть в обычного человека.

Меня поселили в маленькую комнатку, где я спала на полу на матрасе. Мне было всё равно, на чем я буду лежать и смотреть в потолок круглыми сутками.

Несколько раз в день она приходила меня кормить и один, чтобы перебинтовать ногу. Она всегда волновалась о моем состоянии, сочувствовала мне, и постоянно заглядывала тревожными глазами в лицо. Я отвечала односложно и по возможности старалась не открывать рот, как будто копила слова. Так было первые две недели, что у меня заживала нога. Потом я стала сама спускаться вниз, на завтраки, обеды и ужины, но была по-прежнему молчалива.

Любопытные две пары маленьких глаз изучали меня. Девочка и мальчик, близнецы, голубоглазые и темноволосые. Думаю, именно так выглядел торговец в детстве.

Каждый день он заходил ко мне и спрашивал, как я себя

чувствую, а я неизменно отвечала, что всё в порядке. Он не переспрашивал, потому что понимал, что это не так.

После очередного ужина он зашел ко мне снова.

– Как ты? – присел на стул рядом с матрасом.

– Прекрасно, – ответила я, безразлично уставившись в потолок. Я уже не так потеряна и сломлена, как в первые дни после смерти матери, но всё ещё апатична и не вижу смысла жить дальше. – Зачем ты спрашиваешь меня об этом каждый день?

Я не помнила, когда перешла на «ты».

– Потому что мне жаль.

– Не нужно меня жалеть, – хмыкнула я. – Я не нуждаюсь в жалости.

– Мне жаль, что так получилось, – произнес он, и я понимаю, что он хотел произнести эти слова всё время, что заходил ко мне. Он сидел неподвижно и смотрел в пол, крепко сжимая пальцы. Ему правда жаль. – Если бы я пришёл раньше...

– Не смей, – бросаю я, и мой голос треснул. Наружу выбились предательские слезы, и я удивилась, почему они всё ещё не кончились. Все слова, которые я бережно копила весь месяц, вытекли наружу. – Это моя вина. Это я не закрыла дверь. Это я не остановила её, когда она хотела выйти. Я не рассказала о том, что ты придёшь нам помочь. Я просто стояла и слушала, как он идет к ней, как... Я ужасна. Я ничего не сделала...

И после я захлебнулась рыданиями. Дом был маленьким, меня сразу услышала жена торговца и прибежала успокаивать. Впервые за долгое время меня кто-то обнял.

После этого случая он прекратил меня навещать.

– Тише, дорогая, тише... – шептала она и прижимала мою голову к себе. – Всё будет хорошо.

Она баюкала меня очень долго, а потом я уснула от истощения. Эта женщина, казалось бы, любила весь мир. Она была беспричинно добра ко мне и, кажется, даже любила меня. Она заботилась и не ждала за это платы. Ей просто нравилось делать добро. Нисколько не удивительно, что она вышла замуж за мужчину, лицо которого было исполосовано шрамами.

Она постоянно пыталась меня разговорить. Обращала мое внимание на солнечную погоду, рассказывала забавные истории про своих детей, приносила книги. Моё сердце сжималось от такой доброты и я, как могла, пыталась отвечать ей. Думаю, если бы не она, я бы никогда не вылезла из ямы, в которую упала из-за своей потери.

Я прожила у них около полугода. Они не прогоняли меня, а лишь встречали с теплотой каждый мой беспричинный спуск вниз. Спустя время я начала помогать готовить его жене, иногда гулять с детьми во дворе или читать им книги. Пару раз с торговцем отправлялась за дровами для камина, где мы могли свободно говорить обо всём. Семья думала, что он приехал с востока, где в детстве ему собака растерзала

лицо. Большого его жене и не нужно было знать. Много раз я слышала, как он рассказывает сказки детям, но знала, что это истории из его жизни.

В одно утро я проснулась и поняла, что мне пора уходить. Тем летом ночи были жаркие, я лежала под одной простышкой и впервые за долгое время смотрела не в потолок, а изучала хлам, находящийся вокруг. В основном это были коробки различных размеров, угадать, что внутри, было нельзя.

Из маленького окошка светило восходящее солнце, оставляя рассеченный крестом квадрат на полу. Я потянулась к нему рукой, чтобы коснуться тепла.

И лишь только пальцы ощутили лучи солнца, я осознала, что мне стало чуточку лучше. В то утро я впервые робко и неуверенно улыбнулась своему отражению. Я почти каждый день смотрела в зеркало, но только тогда увидела, как сильно я похудела и побледнела за эти месяцы. Это всё говорило о том, что *мне больше не все равно*. У меня появился интерес к жизни.

Меня ждал путь домой.

Торговец и его жена не поверили мне, но возражать не стали. Вызвались проводить меня, но я настояла на том, что должна пройти эту дорогу сама.

– Приходи, когда тебе захочется, – обеспокоенно говорила жена и все гладила меня по руке. – Будет плохо, приходи, мы всегда будем рады тебя видеть.

Я обняла её.

– Нам будет тебя не хватать.

– Спасибо вам за все, – ответила я. – Ваша забота обо мне бесценна. Я не знаю, как вас благодарить.

– Не говори глупостей, – возразил торговец и улыбнулся. Дома он не скрывал лицо. Я посмотрела на них поочерёдно. Передо мной стояли четыре незнакомца, с которыми меня так удивительно и жестоко свела судьба, ставшие мне самыми родными людьми в этом мире. И, пожалуй, единственными. Торговец коротко обнял меня и произнес: – Удачи. Дай знать, если тебе понадобится помощь и... Пиши. Рассказывай нам, как себя чувствуешь.

И я ушла с осознанием того, что где-то есть люди, которые могут помочь и будут рады видеть.

Это был долгий путь обратно, и долгий он был вовсе не из-за расстояния, которое мне пришлось преодолеть. Долгий он был потому, что проходя знакомые места, мне приходилось проживать свое прошлое заново. То, о чем я так долго пыталась забыть, дабы не раскрывать и без того кровоточащей раны, теперь было вокруг меня.

Долгий он потому, что стены родного дома ещё не скоро перестали вызывать у меня тревогу. Мне было неуютно и призраки постоянно меня преследовали. Я пряталась, я бежала, закрывала глаза, но ничего не помогало. Мне думалось, что я уже справилась с этим, но стоило мне увидеть знакомые места, как я сразу вернулась в свой собственный кошмар.

Вот моя мама машет мне рукой из сада. Вот Плюшка игриво скачет по камням. Тот самый дом-призрак, который я посещала чаще всего, снова выглядит как раньше, у него открыта дверь, а окна ещё не заколочены. Я моргаю и все исчезает.

Иногда я останавливалась и долго смотрела перед собой. Я видела вовсе не летний пейзаж. В глазах моих падал снег, а далеко вперёд простиралась белая пелена. Передо мной стояли сани, а недалеко от них – два снеговика.

Это был трудный путь. Путь показал мне – твои самые яркие приятные воспоминания причинят тебе самую невыносимую боль. Я думала, что в сердце у меня две раны, одна поменьше, слева, это Плюшка, она уже не так болит и почти уже стала шрамом. Вторая огромная, через все сердце и это моя мать. Раны, как мне казалось, затянулись. Думалось, что я готова вернуться, и раны вот-вот обратятся в шрамы, но путь сказал мне – это не раны, девочка, это твоя тяжёлая ноша, твоя болезнь, от которой нет лечения. Это язвы, которые никогда не заживут. Рано или поздно ты научишься жить с ними, ты их примешь и порой даже не будешь их замечать, но они всегда будут с тобой. Путь сказал – твоя мать не смогла забыть, твой дед не смог, у торговца не вышло и ты тоже не сможешь.

И я шла дальше. Пелена воспоминаний затмила все, но я шла правильно, безошибочно помня каждый камушек в этой пасмурной долине. Я плакала, но, как всегда не заме-

чала этого. «Точь в точь, как уродец», – подумала я, когда увидела свои слезы.

Я плохо помню, сколько времени мне потребовалось, чтобы пройти этот путь. Воспоминания об этом периоде моей жизни очень неясные, потому что я будто бы жила в тумане. Я помню только боль.

Один коридор я закрыла навсегда. Когда я зашла туда в первый раз после возвращения, у меня случилась истерика. На полу лежал мамин чемодан, из него нелепо торчали вещи. Выглядел он так, будто бы она уронила его только что и отошла, вот-вот вернётся. Моя комната осталось такой же, как я её оставила – приоткрытая дверца шкафа, расправленная постель с небрежно скомканным одеялом и мятая подушка. Я не стала там убираться. Не стала забирать свои вещи и обзавелась новыми. Чуть дальше наших комнат находилась закрытая комната бабушки, а после нее ничего. Я переехала жить на третий этаж.

Все цветы в подвале закрыли свои глаза и больше их не открывали. Единственные существа, о смерти которых я не печалилась. Будь они живы, мне было бы много больше каждый вечер возвращаться в подвал.

Маленькое кладбище за прудом я обнесла забором. Два безымянных камня, один побольше, другой поменьше.

С тех пор прошло уже 20 лет. Путь не врал мне, и я действительно все помню. На моем сердце и правда две незаживающие язвы. Чтобы неизлечимая болезнь не убила тебя и не

сделала твою жизнь невыносимой, за ней нужно ухаживать. Благодаря должному уходу они перестанут кровоточить.

Первое время у меня из рук вон плохо выходило за ними следить. Я пыталась бежать из дома и могла ночи проводить без сна в городе, лишь бы не находиться в доме, лишь бы не вспоминать. Я походила на уличную собаку – взъерошенные волосы, дикий взгляд, устремившийся в никуда, резкие ломанные движения. Возвращаясь, падала на кровать и крепко засыпала, а потом пробуждение, боль в груди и снова дурно. Но это не помогало и я поняла, что от этого никуда не убежишь. Оно всегда с тобой, оно внутри.

Прошел ещё год. Я время от времени навещала семью торговца. Он не соврал, они и правда были рады меня видеть. Но не смотря на тёплые приёмы тех, кто почти стал мне второй семьёй, с каждым днем я гасла все больше. Я чувствовала, как язвы медленно меня убивают. Перестала плакать, но вместе с горем исчезли и все остальные эмоции и чувства. Мне перестали сниться сны, перестали видеться тени. Большую часть своей тогдашней жизни я проводила в кровати в глубоком крепком сне. Забывала готовить себе еду и ухаживать за собой. Жизнь стала серой, и в этой серости я поняла, что мне абсолютно наплевать на то, что со мной случится дальше.

Серость постепенно перерастала в тьму, но вот где-то вдали я увидела искру. Искра мелькнула белокурыми волосами в толпе, морщинкой от досады на лбу, лёгкими красивы-

ми движениями. У девушки, ставшей моим спасением, в тот день все шло совсем не по плану, и она, с напряжённым лицом суетилась над своим прилавком на рынке. Я незаметно, сама не зная, что делаю и что буду делать дальше, подкралась сзади.

– Черт тебя подери! – негромко выругалась она, всплеснула руками и горшок повалился набок, несколько комьев земли выпалились наружу.

– Что же вы так грубо со мной? – спокойно произнесла я. Девушка вздрогнула, округлила глаза и схватилась за сердце.

– Ох! Простите! Я это не вам! – залепетала она.

– Ничего, – я улыбнулась в ответ. – Вам помочь?

– Что вы, я сама справлюсь... – от предложения она сконфузилась ещё больше. – Я...

– Всё в порядке, – заверила её я и поставила горшок, попутно забрасывая внутрь комья земли. – Мне не составит труда, а вам явно не помешает.

– Ох, – она приложила ладонь ко лбу и тяжело вздохнула. – Вы прямо-таки свалились мне на голову. Я растерялась! Вы так незаметно подкрались.

– В моём доме очень скрипучие полы, – начала объяснять я. – За столько лет жизни в нем невольно учишься ходить тихо. Да и вы были слишком увлечены своим делом.

– Да, часто погружаюсь в мысли и ничего вокруг не замечаю, – согласилась она, а потом добавила: – Горшки нужно

сложить вот сюда.

Она выкатила небольшую детскую коляску.

– У вас чудные цветы. Особенно мне нравятся розы, – заметила я и, кажется, погладила цветы пальцами.

– Спасибо, – девушка смутилась.

– Можно я заберу их все? Во сколько это мне обойдётся?

От удивления она потеряла дар речи и замерла, а потом, опомнившись, выпалила:

– Что вы? Не стоит. Куда вы их?

– Я хожу мимо вас уже третий день, никто их не берет, так ведь? А мне нечем заняться одной в большом пустом доме. Сколько с меня?

– Сразу и не рассчитаешь, – она снова приложила ладонь ко лбу и растерянно посмотрела на свои цветы.

– Вы не поможете мне донести их до дома? Если вы не заняты, конечно. Я живу в тридцати минутах ходьбы отсюда.

–Я... О, без проблем. Составлю вам компанию.

В первый день она осталась на ночь, ведь мы так много разговаривали, что не заметили, как на улице стемнело. Дома её никто не ждал.

Искра росла, стала маленьким огоньком, фонарём, костром, а после и вовсе солнцем. Я долго думала, что она держит его в руках, но я поняла, что она и есть свет.

Один раз я спросила:

– Эта коляска, в ней раньше возили вашего младшего брата?

И она сразу поникла. Покачала головой и вздохнула, собираясь с мыслями.

– В этой коляске сейчас мог бы лежать мой ребёнок.

Я сочувственно на неё посмотрела и погладила по руке.

– Это было так давно, – продолжила она. – Ему не было и года, как он...

И умолкла. Некоторое время мы шли молча.

– Если вам тяжело говорить, я не заставляю. Отложим этот разговор на потом или же больше не вспомним его вообще.

– Всё в порядке, – выдавила она. Глаза её потемнели, она постаралась улыбнуться. Не получилось. – Всё хорошо.

Он умер от болезни. Она сбежала с возлюбленным от семьи, полагая, что будет счастлива, но молодые люди еле сводили концы с концами. И стоило лишь появиться на свет малышу, как она поняла – человек, сбежавший с ней, сделал это вовсе не потому, что безумно её любил. Он сделал это потому, что привык сбегать от всего, что вызывает трудности. Через неделю после рождения сына она открыла глаза утром и не увидела никого рядом. Та часть кровати, на которой он спал, была пуста и холодна. И если вдвоём их жизнь была трудной, то её жизнь с ребёнком стала невыносимой. Роды выдались тяжелыми и она сильно ослабела, подкосило её и предательство любимого. Работать она не могла, а потому на жизнь средств не было. Молодой девушке с младенцем на руках пришлось выживать в этом мире, но ей удалось спа-

сти только себя. Малыш заболел и никто не смог ему помочь. Он лежал у нее на руках и молчал. Она покачивала его, не зная, что он уже не дышит, и невидящим взглядом смотрела на кадку с цветами, что висела на подоконнике. Первое, что она сделала после смерти сына – украла кадку и продала её на ближайшем рынке. Так её жизнь началась с чистого листа – голубая коляска, цветы и рынок.

Она невероятный человек. Потеряв семью, любовь и ребёнка, она удивительным образом не потеряла способность дарить свет.

Она выдала мне эту историю на одном дыхании на следующий вечер, после чего я поняла, что не смогу молчать больше о своём прошлом.

Я отвела её к могильным камням и сказала:

– Моя история покажется вам невероятной. Подумаете, что это детская пугалка, сказка на ночь. Верить мне или нет – дело ваше, моё дело рассказать, – она стояла чуть позади меня, за спиной, я же, прямая и сосредоточенная, смотрела на бугры с дедом и матерью.

– Вы можете не рассказывать, если вам тяжело, – повторила она за мной.

– Вот здесь, – продолжила я так, будто бы и не услышала её, – лежат мои бабушка и мама. В их жизни случилось необычайное событие...

Я рассказала ей все до мельчайшей подробности.

И она мне поверила. Не усомнилась ни в едином слове.

Мне почти нечем было доказать ей правдивость произошедшего, но она и не требовала доказательств.

Она помогла мне выбраться из ямы, став для меня примером, и осветив мою гаснущую от язв душу.

Забавно, правда? Нас свели цветы, но эти уже были без глаз.

Мы сделали в доме небольшую оранжерею в одной из пустых комнат, где проводили большую часть времени за беседой. Дедушкина библиотека была зачитана нами до дыр, каждая книга столько раз обсуждена, что нечего больше и добавить. Вот уже почти двадцать лет мы наслаждаемся обществом друг друга, не замечая, как летит время, и я могу поклясться, что никого лучше мне ещё не доводилось встречать.

Каждое Рождество мы вместе ходим в гости к семье торговца, где нас всегда ждут. Каждое лето на несколько недель ко мне в гости приезжали их дети. Они зовут меня тётёй и не знают, что никакого кровного родства между нами нет. Им нравилась долина, нравилось бегать по пустым мрачным коридорам, и я узнавала в маленьких проказниках себя. Сейчас они совсем большие и я всей душой люблю своих «племянников». Они уже не приезжают ко мне жить, но и не забывают меня навещать.

Если бы торговец был обычным человеком, то, вероятно, его дни были бы давно сочтены. Все удивляются его крепкому здоровью, необычайно редкому для такого возраста, но

я знаю, что в его мире люди живут намного дольше.

Сейчас мне тридцать восемь лет и прошлое смотрит на меня мёртвыми глазами. Я не могу понять, кто из нас друг за друга крепче держится, но каждую зиму я чувствую, как оно ледяными пальцами хватает меня за шею, а потом лезет под кожу когтями. А все остальное время поглядывает из тёмных углов дома, шепчется со мной скрипом дверей и иногда приходит во снах.

Я не могу от него избавиться, сколько бы ни пыталась. Я делала перестановку в доме, меняла мебель, шторы, обои, но стоило мне моргнуть, все возвращалось на свои места.

Что с этим делать, я не имею ни малейшего понятия. Первые годы это особенно волновало и пугало меня, той молодой мне казалось, что я схожу с ума. Со временем я привыкла, но боль, к которой мне не хотелось возвращаться, все так же преследовала меня в пережитых вновь моментах из жизни.

Сейчас я сижу у камина, и не решаюсь лечь спать. Я знаю, что только я закрою глаза, мне снова будет восемнадцать. Я буду стоять посреди своей комнаты, слушать грузные шаги уродца, и ничего не делать. Может быть, этой ночью мне удастся что-нибудь изменить? Тогда я стану спокойнее и ужасы прошлого меня отпустят?

Я не знаю, но все равно поднимаюсь с кресла, плещу водой в огонь, и медленно иду в постель.

Может быть, сегодня я покончу с этим, и глаза прошлого

закроются навсегда.